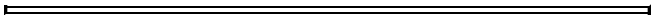

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

- Жак Аттали
 -
 - Предисловие к русскому изданию
 - Предисловие
 - Глава 1. ГРЯДУЩИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК
 - Глава II. БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО
 - Глава III. ПОБЕЖДЕННЫЕ БУДУЩЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
 - Глава IV. КОЧЕВНИКИ
 - Глава V. ОТКАЗ ОТ СУВЕРЕНИТЕТА И НЕОБХОДИМОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЙ
- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

Жак Аттали

**На пороге нового
тысячелетия**

Предисловие к русскому изданию

Мне доставляет особое удовольствие представить русским читателям эту книгу, в которой я попытался свести воедино свои теоретические выводы. Примерно в пятнадцати работах я стремился установить долгосрочную тенденцию, увязывающую экономическую, политическую и культурную историю. Коренная причина большинства варварских явлений состояла в доминировавшей в XX веке идеологии марксизма. Тем не менее одну из основных идей, к

которой обращался Маркс, а именно связь между различными формами человеческой деятельности, необходимо пересмотреть. В данной работе я пытаюсь изложить собственную интерпретацию этой идеи. Читателей, возможно, удивит, насколько важное значение я придаю таким понятиям, как номадизм (я убежден, что ведущие оседлый образ жизни общества — только промежуточный этап между двумя этапами номадизма), каннибализм (который проявляется в религиозных обрядах и символических ритуалах) и теория катастроф (начало которой положили ранние математические теории). На основе этих различных

теорий я прихожу к выводу, что
сегодняшний мир
перегруппировывается вокруг двух
континентов — Европейского и
Тихоокеанского.

Какова будет роль России в этом
новом мировом порядке?
Потенциально — важная, если
только Россия сможет перестроиться
и мирно двигаться к созданию
стабильной, ориентированной на
рынок экономики. В настоящее
время ее движение неуверенно и
чревато провалом. Достигнутые до
сего времени реформаторами успехи
— а они значительны — сегодня в
опасности. Правительство России не
в состоянии решить некоторые

коренные вопросы и в результате подрывает весь процесс перехода к рынку. Международное сообщество также отстает. Из выделенных странами "большой семерки" 24 миллиардов долларов США выплачена весьма незначительная сумма, несмотря на огромные усилия, прилагаемые большинством участвующих стран. Необходимо добиваться большего. Главная ответственность лежит на российском правительстве, и, чтобы не ввергнуть страну в пучину неизбежного хаоса, это правительство должно решить семь проблем.

Во-первых, предпосылкой для

самого существования государства являются налоговые сборы. Существование нации невозможно без достижения консенсуса по данному вопросу. Налоговые вливания в Российской Федерации размыты в результате экономического спада, невыплаты налогов фирмами и в некоторых случаях отказа регионов переводить средства центру. Кроме того, реальная стоимость отсроченных налоговых, выплат снижается ввиду инфляции. В конечном счете государство страдает от хронической нехватки средств, что ослабляет его шансы на выживание.

Во-вторых, беспорядочная

кредитно-денежная система. Страна идет к гиперинфляции. С 1 июля 1992 г. денежное обеспечение почти удвоилось, и, как недавно сказал Джеффри Сакс существует острая необходимость "прекратить перекачку рублевых кредитов из Российского центрального банка в предприятия и бюджет". В результате этой денежной экспансии мы наблюдаем валютный крах, ускоренный рост цен и повышение заработной платы. Последствия будут сказываться до тех пор, пока будет продолжаться этот "кредитный взрыв".

В-третьих, инфраструктуру государственного финансирования

необходимо поставить на прочную основу. Уровень расходов, на трансферты в частности, по-прежнему значительно выше, чем в сопоставимых странах с рыночной экономикой. Дефицит бюджета испытывает огромное давление, находясь в тисках растущих расходов на социальные выплаты ввиду роста безработицы, что также повлечет выкачивание бюджетных средств. Обследование 500 предприятий в Москве и Санкт-Петербурге показало, что между сентябрем 1990 года и июнем 1992 года численность рабочей силы сократилась примерно на 15 %. Можно предвидеть массовые увольнения и закрытие

предприятий в 1993 году. С начала года дефицит в России уже превысил прогноз на 1992 год в пять раз и составляет свыше 10 % ВВП, что значительно превосходит предел МВФ.

В-четвертых, отсутствие ресурсов для вывода войск из Восточной Европы. Нет жилья и рабочих мест, и поэтому существует опасность скопления в центральных районах больших групп военнослужащих, настроенных против правительства. Если организованная преступность выходит из-под контроля, сумеет ли армия сохранить независимую роль?

В-пятых, отсутствие контроля со

стороны центра порождает, как всегда, опасность коррупции. Передача полномочий позволяет фирмам через коррумпированные министерства получать экспортные лицензии и затем прятать доходы за границей. В некоторых регионах укореняются поощряемые преступные сети, быстро превращающиеся в независимые княжества. Процвествует организованная преступность и торговля оружием и наркотиками, поскольку рухнувший порядок еще не заменен другим. На смену государственной монополии приходят картели и санкционированный рэкет, а вовсе не

свободный рынок.

В-шестых, денежный, инфляционный и административный кризисы побуждают местные власти в регионах, богатых природными ресурсами, — а это обычно отдаленные и малонаселенные районы — осуществлять контроль над этими природными ресурсами для обеспечения прямого доступа к таким товарам первой необходимости, как продовольствие. Добыча и экспорт нефти и газа — основной источник иностранной валюты для России — сегодня замкнуты в нисходящей спирали. Зачем участвовать в нефункционирующей

государственной системе, если вы сидите на нефти, золоте или природном газе?

В-седьмых, беспорядок в государстве означает, что даже внешняя помощь блокирована. Конкуренция между руководителями на местах, решения, которые принимаются на все более низкой ступени административной лестницы, и неопределенность относительно того, кто полномочен заключать контракты на независимые займы или выдавать суверенные гарантии, — все это создает своего рода административный барьер между Россией и внешним миром. Всякий

внешний донор должен играть свою роль. Несомненно, они могли бы сделать больше, однако в настоящий момент их задача порой фактически невыполнима.

Что общего в этих вопросах? Каждый из них представляет жизненно важный аспект экономической и политической структуры Российской Федерации. Невозможно рассматривать переход России к рынку изолированно от ее институционального развития. Говоря предельно просто, рынок и демократия будут процветать только тогда, когда государство имеет средства их защитить. Избирательные системы будут

функционировать только в случае, если избиратели ограждены от давления. Необходимые для создания рыночной экономики общепризнанные элементы, такие как права собственности, контрактное право, эффективная конкурентная политика, стабильность кредитно-денежной системы и т. д., будут работать только тогда, когда есть государство, обеспечивающее их исполнение. Сохранение относительно высокого уровня образования в бывшем Советском Союзе — одна из немногих действительно имеющихся ценностей — предполагает бюджетную политику, способную

платить за это, что, в свою очередь, предполагает налоговую систему для сбора финансовых средств.

Поэтому вопрос заключается не просто в том, чтобы внедрить рынок. Речь идет о перестройке всего государства, которое было взорвано изнутри, так что фактически каждый его фрагмент неустойчив, открыт для злоупотреблений и готов развалиться. Процесс перестройки потребует времени и может быть успешным только на основе выработки консенсуса относительно программы всеобщего возрождения. Этот великий эксперимент в области демократии становится в сегодняшней истории грандиозной

игрой наперегонки со временем.

Первый шаг на пути достижения успеха в этом эксперименте для российского правительства будет заключаться в решении изложенных семи проблем. Одержав победу, правительство предотвратит неминуемую катастрофу. Второй шаг — изменение отношения Запада к России. Запад должен научиться рассматривать Россию как неотъемлемую часть промышленной и коммерческой структуры Европы. Только в этом случае будет осуществима та уникальная возможность для мира, которую мы видим сегодня.

Жак Аттали Ноябрь, 1992 год

Предисловие

Тот факт, что мой друг Жак Аттали незнаком большинству американцев, включая большинство философов и политических деятелей Соединенных Штатов, — лишнее свидетельство интеллектуального провинциализма этой страны. В течение десяти лет Жак Аттали был советником по экономическим вопросам президента Франции Франсуа Миттерана. Его рабочий стол стоял возле двери кабинета президента, и именно он постоянно присутствовал на его встречах как с советским президентом Михаилом

Горбачевым, так и со многими другими руководителями крупного масштаба. Это он подсказывал различные идеи Миттерану, помогая ему уверенно вести страну в ХХІ век.

В настоящее время Жак Аттали — президент Европейского банка реконструкции и развития. Этот институт был создан для того, чтобы сделать менее болезненным для стран Восточной Европы переход от планируемой централизованной экономики к успешно функционирующим рыночным отношениям. По крайней мере, об этом сообщалось в американской печати.

Но многие (даже большинство)

высокоинтеллектуальные американцы остаются в неведении относительно того, что Жак Аттали, если говорить о его так называемой "второй жизни", является одним из блестяще образованных европейских умов, человеком, обладающим громадной энергией, в нем чувствуется "искра Божья", в нем есть внутренний напор. Он наделен богатым воображением и имеет немало заслуживающих внимания идей. Идеи, еще раз идеи плюс неумное любопытство проявились в разработке тем в пятнадцати написанных им книгах, над большинством которых он засиживался до раннего утра, а затем,

прямо от рабочего стола, направлялся в свой офис в Елисейский дворец.

Впервые я услышал об Аттали, когда столкнулся с его книгой «Антиэкономика».

"Какая замечательная книга!" — подумал я. Давно пора кому-нибудь вплотную заняться традиционной экономикой и изрядно перетрясти все ее застывшие постулаты. Он был воспитанником самых престижных французских высших учебных заведений, до предела вышколенным высокопоставленным функционером, выражавшим готовность до конца жизни строжайшим образом блюсти все установленные прежде правила.

И все же он сознательно поставил под сомнение фундаментальные основы общепринятой традиционной экономики. Так он заработал свое первое "очко".

В то время я еще не знал, что он также написал две книги о политических моделях и о взаимодействии политики с экономикой. После них он обратился к исследованию технологических процессов. Судя по всему, до этого момента его карьера выглядела в большей или меньшей степени «респектабельной». Ну а что можно сказать о высококвалифицированном чиновнике, который сумел выкроить время и написать книгу «Звуки»,

сочинение, по сути дела, повествующее о политике и экономике в музыкальном искусстве? Нет, нет, в ней не шла речь об экономической основе сегодняшней эстрадно-музыкальной индустрии. Его книга — это глубокие философские рассуждения об отношении музыки к политической культуре начиная с античности и до наших — дней. В ней он продемонстрировал свое необычное, оригинальное проникновение в суть предмета, его интеллект ярко осветил далекие горизонты затронутой темы.

А что можно сказать о параллельно проводимом им

исследовании политической роли медицины в жизни нашего общества? Или о его работе по истории экономики "Эти три мира"? Или о его еще более удивительной и захватывающей книге об истории концепций времени? Вряд ли можно было ожидать таких свершений от простого экономиста или заурядного правительственного чиновника!

После избрания Миттерана на пост президента Франции Жака вместе с его рабочим столом задвинули в угол приемной рядом с дверью президентского кабинета. Он сидел настолько близко от нее, что Миттерану, чтобы добраться до своего рабочего места, непременно

нужно было пройти мимо Жака. Когда я впервые нанес ему визит в Елисейском дворце, то он поспешил принести мне извинения, заморгав блестящими глазами за линзами очков, в связи с тем, что нам с ним придется на несколько минут удалиться от его стола, чтобы дать возможность президенту Миттерану проводить из своего кабинета президента Италии.

На несколько секунд мы с ним ускользнули в какой-то узкий, скорее всего, тайный коридор и оставались там, покуда перед нами не прошествовали главы обоих государств, не прерывая частной беседы.

Затем мы вернулись к столу Жака и продолжили наш разговор. С того времени Жак написал еще одну книгу — "Влиятельный человек", доброжелательную биографию международного банкира Зигмунда Варбурга, а также книгу о природе собственности, два романа о вечности и еще несколько исторических исследований. Таким образом, мы видим перед собой портрет блестящего интеллектуала, неприемлющего традиционную мудрость нашего времени, заметную и своеобразную фигуру в духовной жизни Европы, человека, в настоящее время занимающего пост президента банка с активами,

превышающими 14 миллиардов долларов, того банка, который мог бы стать столпом нового мирового порядка. Жак — редкий тип бизнесмена в сегодняшнем мире, бизнесмена интеллектуального, голова которого наполнена блестящими идеями и который действительно способен осуществить их на практике. Поэтому ему и поручено заниматься наиболее практическим в Европе вопросом — вопросом о меняющихся отношениях между Западной и Восточной Европой.

Руководствуясь именно таким взглядом, я. рекомендую читателям его книгу "На пороге нового

тысячелетия" — небольшую, лаконичную, знаменательную, в которой, кроме всего прочего, говорится и о будущем Америки в том мире, в котором, по мнению Аттали, все в большей степени будут доминировать Европа и Япония. Эта книга заставит вас и огорчиться, и, напротив, воспрянуть духом. Каких бы тем ни касался автор — будь то «нормальность» экономического кризиса или дискуссия по поводу "кочующих объектов" — номадов, которые, по его мнению, станут главными продуктами экономики будущего, или набросанные им контуры восьми следующих один за другим сдвигов в мировой

экономической системе, или появление того, что он называет "девятым рыночным укладом", или же его доводы относительно «ключевых» механизмов завтрашнего дня, которые заставят самого потребителя включиться в производство собственных услуг, — Аттали всегда демонстрирует свой искрящийся, обуреваемый творческой энергией интеллект.

В этой книге вы найдете немало идей, с которыми лично я не могу до конца согласиться. Но в ней очень мало таких, из которых я не мог бы почерпнуть что-то новое. Аттали может нас многому научить. Особенно нас, американцев.

*Элвин Тоффлер Лос-Анджелес, 8
марта 1991 г.*

Глава 1.

ГРЯДУЩИЙ

МИРОВОЙ

ПОРЯДОК

История набирает ход. Что еще вчера было недоступно воображению, за исключением, может, особо восприимчивых умов футуристов и писателей-фантастов, сегодня становится повседневным событием. Рухнула Берлинская стена, оплодотворение в пробирке стало обычным делом, а погонщик верблюдов где-нибудь в странах к югу

от Сахары может соединиться по телефону с Лос-Анджелесом с помощью своего игрушечного, размером с ладонь, телефонного аппарата сотовой связи. Тот шок, которого мы ждали от будущего, давно отошел во вчерашний день. Изменение — единственная константа в этом мире, потрясаемом катаклизмами.

Старый геополитический порядок сходит со сцены, рождается новый и приходит ему на смену. Этот новый порядок, скорее всего, будет иметь очень мало общего со знакомым нам за последние пятьдесят лет XX столетия миром. В следующем тысячелетии судьбу человечества

будет определять новое поколение победителей и побежденных.

Цель этого скромного эссе — обрисовать контуры такого будущего, широкие рамки которого видны на горизонте уже сегодня. Это отнюдь не стройная аргументация. Это, скорее, чередой исследовательских рефлексий. Я намеренно пошел на риск излишнего упрощения, преувеличения, может, даже вульгаризации, чтобы попытаться нарисовать картину той эры, в которую мы вот-вот должны вступить. Я целиком отдаю себе отчет в том, что, вероятно, в результате у меня получится карикатура на невероятно сложную

социально-экономическую
реальность. Но любое обобщение
обладает своими достоинствами,
причем иногда весьма
значительными, ибо любое
обобщение сродни фотографии,
сделанной со спутника, которая
демонстрирует как очертания
громадных континентов, так и
скромные масштабы отдельного
строения, но то, что находится
внутри, она показать нам не в
состоянии. Мои рассуждения
строятся на теории сменяющих друг
друга социальных устройств
общества, которые прольют свет на
необычный переход к следующему
столетию, и такой переход в

настоящее время касается каждого из нас. В этом смысле «Капитал» Маркса или "Исследование о природе и причинах богатства народов" Адама Смита могут оказаться куда менее полезными, чем, скажем, кинематографическая фантазия Ридли Скотта "Бег по острию бритвы" — голливудская киношляпа, в которой мы находим больше правды о грядущем веке, чем у этих авторов-классиков.

В будущем столетии Япония и Европа могут потеснить Соединенные Штаты и Советский Союз с пьедестала сверхдержав, ведущих упорную борьбу за экономическое господство в мире.

Только радикальное преобразование американского общества может предупредить такой ход событий и поможет избежать тем самым вызванных им серьезных политических последствий. Со своих привилегированных, технологических «колоколен» они, будут править миром, который воспринял общую для всех идеологию потребительства, но все еще, к сожалению, делится на богатых и бедных, миром, которому угрожают потепление климата и отравленная атмосфера, миром, который окольцован плотной сетью авиалиний, который опутан кабелями для установления

мгновенной устойчивой связи с любой точкой земного шара. Деньги, информация, товары да и сами люди будут перемещаться вокруг света с головокружительной скоростью.

Покончив с любой национальной «привязкой», порвав семейные узы, заменив все это миниатюрными микропроцессорами, которые предоставят людям возможность решать многие проблемы, связанные с сохранением здоровья, образованием и личной безопасностью, такие граждане — потребители из привилегированных регионов мира превратятся в "богатых номадов". Они смогут принимать участие в освоении

либеральной рыночной культуры, руководствуясь при этом своим политическим или экономическим выбором, они будут странствовать по планете в поисках путей использования свободного времени, покупать информацию, приобретать за деньги острые ощущения и такие товары, которые только они могут себе позволить, хотя и будут испытывать тягу к человеческому участию, тоску по уютной домашней обстановке и сообществу людей — тем ценностям, которые прекратили свое существование, так как их функции устарели. Подобно жителям Нью-Йорка, которым ежедневно приходится сталкиваться с

бездомными бродягами,
слоняющимися у банков-автоматов и
выклянчивающими у прохожих
мелочь, такие состоятельные
странники повсюду будут
сталкиваться с мириадами "бедных
кочевников" — этих хватающихся за
соломинки в планетарном масштабе
людей, которые бегут прочь от
испытывающей нужду периферии,
где по-прежнему будет жить большая
часть населения Земли. Эти
обнищавшие пираты будут
курсировать по планете в поисках
пропитания и крова над головой, их
желания станут еще острее и
навязчивее благодаря созерцанию
роскошных и соблазнительных

картин безудержного потребления, которые они увидят на экранах телевизоров в спутниковых телепередачах из Парижа, Лос-Анджелеса или Токио, В тщетной попытке перейти, по выражению Элвина Тоффлера, от замедленного к ускоренному миру им придется вести жизнь живых мертвецов.

Как и все прочие цивилизации, которые старались выжить благодаря установленному порядку и избежать тем самым опасностей, исходивших от природы и чужеземцев, прочность грядущего нового порядка будет зависеть от его способности обуздать насилие. В отличие, правда, от прежних порядков, которые вначале

утверждались господствующей религией, а затем военной силой, новому порядку предстоит покончить с насилием, главным образом с помощью своего экономического могущества. Само собой разумеется, остатки прежде доминировавших порядков, основанных на догматах религии и военной мощи, могут сохраняться и впредь, особенно в таких странах, которые находятся на периферии всемирного прогресса. В качестве убедительного примера можно указать на Иран и Ирак.

Вторжение Саддама Хусейна в Кувейт и разразившаяся вслед за этим война могут служить нам на

поминанием того, что завершение "холодной войны" не привело к урегулированию всех пограничных споров, не положило конец националистическим устремлениям, проведению "политики силы". В будущем, несомненно, мы станем свидетелями других агрессивных акций в таких частях планеты, которые по сравнению с Ближним Востоком обладают гораздо меньшими жизненно важными для всего мира природными ресурсами, и их значение — чисто символическое. Военная мощь по-прежнему будет играть решающую роль во многих регионах нашего обнищавшего мира. Но такие события при всей их

взрывоопасности, кровопролитии и драматизме станут анахронизмом, побочными эффектами, которые лишь в слабой степени затронут главный ход истории.

Конфронтация в районе Персидского залива, например, отвлекла внимание людей от происходящего в настоящий момент сдвига в равновесии сил в мире, который имеет гораздо большее значение для нас. В результате высказывались все более настойчивые утверждения, что Соединенные Штаты по-прежнему остаются самой могущественной страной в мире и что всевозможные предсказания ее заката (или даже

кончины) являются, по крайней мере, преждевременными. Все эти обозреватели правы, если говорить о ближайшей перспективе. Ибо невзгоды, преследующие американское общество, скорее всего, окажутся более серьезными и Соединенным Штатам с большим трудом удастся поддерживать свой имперский статус, не вступая при этом на путь всеобъемлющей, коренной перестройки. Автор книги "Взлет и падение великих держав" Пол Кеннеди утверждает, что поражающая воображение картина массированного проникновения американской военной мощи на территории чуть ли не половины

мира скорее затемняет, чем проясняет куда более важный вопрос в отношении определения истинного положения Америки больше как увядающей, а не возрождающейся державы-гегемона. Он сравнивает экспансию Америки — чем бы она ни оправдывалась — с решением Испании в 1634 году направить мощную армию для защиты своих габсбургских родственников, попавших в беду в ходе Тридцатилетней войны: "Испания обладала первоклассной пехотой и отменной выучки генералами, ее переход через Миланскую область, высокие Альпы до Верхнего Рейна был осуществлен молниеносно, и ее

действия оказались чрезвычайно профессиональными. Ни одна европейская нация в те времена не могла противостоять "такому силовому проникновению"; никто не сомневался, что Испания по-прежнему является первой державой Европы". И все же Кеннеди отмечает, что испанская монархия изнывала под грузом непосильных долгов, многое теряла от неэффективности производства, которое целиком зависело от иностранных производителей, не забывавших, естественно, об «особых» интересах у себя на родине. Несмотря на демонстрируемый повсюду блеск вооруженных сил, к 40-м годам XVII

века "перенос процентных выплат по займам, а также признание испанскими королями своего банкротства в полной мере отразили закат испанской державы".

Кеннеди в этой связи не преминул отметить, что сотни тысяч американских солдат все же были направлены в Саудовскую Аравию, несмотря на то что годовой дефицит американского бюджета значительно превысил 300-миллиардную планку (это самый высокий показатель за всю историю страны, из чего нетрудно извлечь урок); ни одна нация в мире не может оставаться первой нацией из поколения в поколение, не имея стабильно

процветающей экономической основы, на которой в итоге покоится и ее политическое могущество. Как и Испания, Соединенные Штаты — отнюдь не первая великая держава, увязшая в громадных долгах, хотя они и продолжают нести на своих плечах груз глобальной ответственности. И все же проделанный Соединенными Штатами «блистательный» кульбит, в результате которого страна из крупнейшего в мире заимодавца всего за десятилетие превратилась в крупнейшего должника, нужно сказать, не имеет прецедента в истории.

Долг, выплата которого переносится на более отдаленный

срок, — это первый признак экономической нестабильности, убедительный симптом фатального дисбаланса, которые свидетельствуют в конечном счете об экономическом крахе страны. Таков был порядок вещей со времен становления капитализма в XVII веке.

Масштабность переживаемого ныне Соединенными Штатами долгового кризиса является неопровержимым доказательством того, что мы при рыночном мировом порядке уже вступаем в переходную стадию от одного ослабленного «стержневого» региона к другому, новому. Волны экономического

могущества откатываются от Америки, и такой прилив способен достичь Европы или стран бассейна Тихого океана. Подобный ход событий не вызывает удовлетворения. Экономический спад в Соединенных Штатах Америки ставит под угрозу дальнейшее развитие всего мира. США могут найти в себе силы, чтобы преломить эту тенденцию, но такой исход маловероятен без проведения радикальной экономической реформы. Ибо с каждым днем становится все очевиднее тот факт, что главный организующий принцип, определяющий развитие в будущем, что бы ни происходило на обочине

прогресса, будет носить экономический характер. И это мы ощущаем все яснее по мере продвижения к отметке 2000 года.

Господство военной мощи, характерное для времен "холодной войны", сменяется «царством» рынка. Либеральные идеи демократии и рынка повергли своего главного соперника — альтернативное представление о коммунистическом обществе, бросающем миру свой вызов. Однако ни у кого не вызывает сомнения, что основная головоломка до сих пор не решена: каким образом можно сбалансировать экономический рост и увязать его с социальной

справедливостью? Тем не менее теперь политические идеи и западная идеология потребления овладели умами людей повсюду, особенно в индустриально развитом мире.

В итоге популистский соблазн демократического общества потребления (а не явная угроза ядерного уничтожения) довел до критической точки взрыва вопрос о законности режимов, входивших в советский блок, у их собственных народов. Ценности либерального плюрализма и перспектива рыночного процветания привели к консенсусу, который теперь объединяет все народы Земли.

Консенсус, который пришел на смену двум идеологически антагонистическим блокам, может быть обеспечен только таким рынком, который отвечает запросам обычных потребителей, независимо от того, может он удовлетворить подобные запросы или нет. Впервые политические требования плюрализма находят свое экономическое отражение.

В результате послевоенное могущество американской экономики может, скорее всего, столкнуться с серьезным вызовом. Ибо в ходе возникновения нового порядка, пускающего свои корни в этом десятилетии, отделяющем нас

от черты следующего тысячелетия, две военные сверхдержавы — Соединенные Штаты и Советский Союз — демонстрируют свой если и не абсолютный, то наверняка относительный упадок.

Эти сверхдержавы, эти победители в послевоенном мире в следующем столетии могут оказаться в числе побежденных, утратив статус великих держав в ходе своего экономического отмирания. Преодолев стратегическую субординацию, навязанную военной силой после окончания идеологической вражды между Соединенными Штатами и Советским Союзом, две новые

державы — Европейское пространство, простирающееся от Лондона до Москвы, и Тихоокеанский регион с центром в Токио, однако протянувшийся до самого Нью-Йорка, — вступят в борьбу за свое господство. Каждая из этих сфер будет стараться во всем превзойти соперника, пытаясь стать центром, «сердцевиной» нового мирового порядка. Какая из этих сфер окажется победительницей, будет зависеть от того, кто из них сумеет производить с достаточной эффективностью и с большей выгодой для себя те новые товары, которые удовлетворят все потребности после сделанного ими

выбора в пользу своей автономии на первом поистине глобальном рынке. Место расположения «сердцевины» пространства-победителя будет выявлено в ходе острой конкуренции.

Такой новый экономический порядок отнюдь не будет «постиндустриальным» обществом, в котором промышленность заменит система услуг, как это традиционно предсказывали Дэниэл Белл и другие ученые. Скорее, это будет общество, которое можно назвать «гипериндустриальным», в котором и система услуг трансформируется в товары массового потребления. Произведенный в результате эффект можно сравнить с тем, что

произошло ранее в нашем столетии, когда ручную стирку белья заменила стиральная машина, которая, в свою очередь, появилась на свет благодаря изобретению электродвигателя. Но еще более радикальным, чем обуздание силы пара и электричества в XIX столетии, и, вероятно, более близким к потрясению, испытанному при открытии огня первобытными племенами, явилась миниатюризация. Успехи, достигнутые в биотехнологии и генной инженерии, прокладывают путь к революционному скачку в новый век, который приведет к глубоким изменениям в культуре человечества.

Технологии, основанные на использовании микропроцессоров, такие как производство транзисторов и компьютеров, уже открыли путь к беспрецедентной индустриализации услуг — от связи и образования до здравоохранения и обеспечения безопасности человека. Таких примеров уже немало. Портативный компьютер, сотовая связь, телефакс — все это, хотя и находится в зачаточной, но достаточно развитой форме, является предтечей портативных предметов будущего, если угодно, номадических предметов. Все эти изделия в значительной степени ослабят эффективность институтов,

профессиональных навыков, различных проявлений бюрократизма, так как предоставят индивидууму чрезвычайно высокую степень личной свободы, мобильности, автономности, всю необходимую информацию и энергию. Они смогут удовлетворить растущие требования потребителей, связанные с более надежным контролем за собственной жизнью, дадут им возможность с помощью определенных технологий оторваться от своего насиженного рабочего места. Одновременно люди получают в свое распоряжение такие технические средства, которые позволяют им выполнять

разнообразные задачи и делать это гораздо легче и эффективнее, чем прежде. Поражающие воображение новые технологии приведут в грядущие десятилетия к невиданному скачку производительности труда, к энергичному экономическому росту. Но, к сожалению, нынешний спад производства скрывает от нас эту подспудную реальность. Может, углубляющуюся ныне депрессию в один прекрасный день станут рассматривать как неизбежные родовые схватки, сопровождающие появление нового гипериндустриального порядка.

Такой новый порядок не

ознаменует собой конец истории. Он не будет гармоничной, безмятежной утопией. Напротив, конфликт наиболее вероятен именно сейчас, когда завершилась "холодная война", а идея рынка одержала триумф. Такой конфликт как раз может возникнуть из-за того, что слишком многие страны в мире теперь стремятся создать у себя общество процветания, основанное на свободном выборе. В этом отношении XXI век может напоминать XIX, когда государства с такими же имперскими замашками вели борьбу за военную добычу, за сырье, за рынки сбыта, а также из-за соображений национального

престижа. Ибо неравенство наверняка расколет новый мир, как и Берлинская стена, которая когда-то разделяла Запад и Восток.

Даже в самых привилегированных нациях далеко не все получают равную долю при распределении несметных богатств в новом мировом порядке. Например, большинство людей, живущих на более состоятельном Севере, залитом ошеломляющим потоком информации и развлечениями, превратится в слабых и обнищавших «пешек», которым предстоит быть лишь беспомощными свидетелями всемогущества и разгула меньшинства и испытывать

при этом черную зависть. Простые люди, живущие в своих скромных городских предместьях или просто на улице, будут с чувством почтительного страха и с негодованием взирать на растущие словно на дрожжах состояния и на маячащие над их головами небоскребы власти, куда вход им будет заказан.

Такое растущее богатство, однако, отнюдь не гарантировано странам Восточной Европы и Азии, идущим к становлению демократии. Те экономические и политические свободы, которых они до настоящего времени добились, могут раствориться, исчезнуть, если только

рыночной экономике не удастся относительно быстро насытить эти страны потребительскими товарами и товарами первой необходимости, которые были обещаны смело предпринятыми реформами, потребовавшими, правда, весьма ощутимых жертв. Будет ли от этого хуже, пока говорить трудно, но все может пойти насмарку при осуществлении в Европе замечательной "бархатной революции". Если в Советском Союзе вспыхнет гражданская война, то миллионы его граждан могут отправиться на Запад, пытаясь спастись от растущего обнищания страны. Эти "экономические

беженцы" станут тяжким испытанием, и нет уверенности, что Европа сможет успешно справиться с таким громадным потоком.

Но, прежде всего, пребывание за "чертой бедности" и нищенское положение 3 миллиардов людей — мужчин, женщин и детей — в Африке, Латинской Америке и в большинстве азиатских стран, особенно в Индии и Китае, ставят под сомнение эффективность обещания неизменно поддерживать экономическое процветание и свободы на привилегированном Севере. Хотя "зеленой революции" удалось приостановить гибель людей от голода в большинстве азиатских

стран и хотя голод — этот по-прежнему страшный бич — в настоящее время локализован и наблюдается лишь в некоторых анклавах Латинской Америки и Африки, возобновившийся экономический рост на Севере в еще большей степени обнажил громадную пропасть, разверзшуюся между имущими и неимущими.

Объемы и стоимость экспорта сырья с Юга будут в дальнейшем снижаться, так как оно все больше утрачивает свое значение в процветающих, богатых регионах в результате постоянно растущей квалификации работников и информации в промышленном

производстве. Более того, многие рынки на Севере в большинстве своем останутся закрытыми для экспорта с нищенского Юга. Мексика, например, уже добилась отмены большей части торговых барьеров во взаимоотношениях с Соединенными Штатами, но пройдут долгие годы, прежде чем мексиканские товары проложат себе надежный путь к полкам американских магазинов, как этого добились товары из США, которые можно увидеть в любой местной лавке. Еще более трудный путь ожидает бразильские товары.

В мучительном отчаянии, лишенные всякой надежды, живущие

на периферии народные массы будут лицезреть яркую картину процветания и богатства в другом полушарии. В тех южных регионах, которые географически близки к Северу, а в культурном отношении связаны с ним, в частности Мексика, страны Центральной Америки и Северной Африки, миллионы людей будут все сильнее подвергаться искушению богатством, испытывать раздражение и гнев из-за невозможности удовлетворить свои постоянно растущие потребности. Тогда они начнут постепенно отдавать себе отчет в том, что чужое благополучие частично достигнуто и за счет ухудшения условий их жизни,

а также хищнического использования окружающей среды. Этих лишенных собственного будущего в век интенсивных воздушных перевозок, телевизионной связи, абсолютно обнищавших людей будут на Севере стричь под одну гребенку и рассматривать как беспрецедентную по масштабам толпу "экономических беженцев" и мигрантов. Переселение народов уже началось: турки живут в Берлине, марокканцы — в Мадриде, индусы — в Лондоне, мексиканцы — в Лос-Анджелесе, вьетнамцы — в Гонконге.

Если Север будет и впредь проявлять пассивность и полное безразличие к их бедственному

положению, особенно когда Восточная Европа будет выведена на орбиту процветания благодаря полноценной, широкомасштабной помощи и щедрости Запада при полном пренебрежении его к нуждам Юга, то народы, живущие на периферии, неизбежно поднимут мятеж, а в один прекрасный день начнут и войну. Они постараются снести подобие Берлинской стены, которое в настоящее время возводит Север, чтобы отгородиться от Юга. Это будет война, невиданная в новейшей истории, она будет напоминать губительные набеги варваров в VII и VIII столетиях, когда Европе было нанесено ощутимое

поражение и она погрузилась в такое мрачное состояние, которое впоследствии получило название Средневековья. Но на горизонте маячит куда более зловещая и куда менее заметная угроза. Она имеет прямое отношение к самой сути нового мирового порядка и его либеральной идеологии потребительства и плюрализма. Суть любой демократии, как и рынка, — это свобода выбора. И то и другое предоставляет право гражданину-потребителю либо принимать предложения, либо отвергать их независимо от того, о чем в данный момент идет речь — о кандидатах, товарах, политиках или изделиях.

Право переизбирать кандидата или же лишать его поста, нанимать или увольнять, изменять систему менеджмента или направлять инвестиции в другую область — такое умение менять, видоизменять, давать задний ход в том, что касается проводимой политики, подбора людей или потока товаров, — основополагающая черта культуры выбора, на которой зиждется потребительский консенсус. Он несет информацию как нашей политической системе, так и нашему экономическому порядку. И то и другое коренится в плюрализме и в том, что можно назвать (вероятно, и неуклюже) принципом обратимости.

Мы должны понять одно: ничто в этом мире не создается навечно. Все можно либо обменять, либо отбросить. Такой принцип, хотя он и приемлем на ближайшую перспективу, не может стать надежным якорем для цивилизации. По сути дела, он подрывает главное требование всех цивилизаций: необходимость выжить. Кем бы ни управлялись прежние цивилизации — религиозными орденами или королевскими отпрысками, их правление обычно было длительным. Приведем лишь один пример. Американские туземцы часто говорили о необходимости организации общества таким

образом, чтобы удовлетворить требованиям "седьмого, еще не рожденного поколения". Вожди и правители прошлого обычно мыслили категориями столетий, а не понятиями ежеквартальных отчетов о прибылях. Октавио Пас говорил, что "в то время, как примитивные цивилизации существовали в течение тысячелетий, современные цивилизации, которым поклоняются, словно идолам, рушатся через два-три столетия". Чеслав Милош [\[1\]](#) выражает беспокойство в связи с тем, что нигилистское безразличие, наблюдаемое в результате постоянного "прилива перемен", заставляет западную цивилизацию

включаться в изнурительную гонку "между процессом дезинтеграции и творческой активностью... балансируя на грани выживания от одного десятилетия к другому".

Социальное головокружение, возникающее из-за принципа обратимости, который обожествляет ближайшую перспективу, превращая непосредственную насущность в некий культ, уже дает о себе знать. Крупномасштабное возрождение религиозного фундаментализма, проявляющееся как на Востоке, так и на Западе, фанатичный отказ от индустриальной жизни радикально настроенных защитников окружающей среды, ностальгия по

иерархическим социальным структурам и традициям вызывают в воображении призрак того, что демократические ценности и присущие культуре выбора рыночные принципы будут постоянно подвергаться нападкам или вообще окажутся низвергнутыми. Здесь вполне возможно представить себе множество кошмарных сценариев — от «экологической» диктатуры, возглавляемой каким-нибудь харизматическим деспотом из «зеленых», до выраженной Солженицыным идеи о создании отсталой Славянской республики. Нигилистическое, отчужденное общество потребления может в

равной степени вызвать как мощный мятеж, так и всенародную симпатию.

Для предотвращения такой возможности рынок необходимо объединить с демократией. Их пределы должны быть ограничены не консервативными ценностями, обращенными в прошлое, а теми ценностями, которые обеспечивают будущее. Например, культура выбора не должна включать в себя такие процессы, которые безвозвратно изменяют, трансформируют саму суть жизни, если, например, предоставить полную свободу манипуляций с генетическим кодом клетки (ДНК) или продолжать уничтожать тропические леса, что в

итоге может лишит планету
многообразия генетического
наследия. Такие жизненно важные
процессы следует считать чем-то
вроде святилища, священного
заповедника основы самой жизни.

Если мы намерены сохранить
мир, пригодный для нормального
существования, изолировать его от
нового, нарождающегося, избежать
маниакального стремления к росту
производства, что непременно может
привести саму цивилизацию к
крупному проигрышу в следующем
тысячелетии, то нам нужно
пересмотреть законы политической
экономики и глобальный баланс сил.
Такие законы должны базироваться

на понимании как истории цивилизаций, так и мутаций будущей культуры, к которым приведут радикальные по характеру технологические новации. Мы не можем позволить нашему будущему стать таким веком, который постоянно подталкивает вперед и даже самым фатальным образом стремится преодолеть границы человеческой жизни, а такая жизнь всегда (во всех предыдущих цивилизациях) определялась биологическими рамками, тем, что Иван Ильич^[2] назвал самоограниченной "земной добродетелью".

Великий парадокс глобальной

потребительской демократии заключается в том, что право на радость, удовольствие и счастье, право выбора в настоящем на деле может оказаться тем ядовитым снадобьем, которым мы насильно потчуем своих детей. Если человек, этот захребетный паразит, превращает Землю в археологическое безжизненное пространство, это значит, что его мечта о материальном благополучии может уничтожить саму жизнь. Для того чтобы дожить до торжества наших светских идей, нам необходимо новое определение святого.

Теоретическое отступление

Для лучшего понимания будущего, для выявления смысла тех замысловатых фактов, которые ежедневно ставят нас в тупик, нам нужно научиться наводить мосты между современными социальными науками.

Сегодня нельзя объяснить события или предсказать развитие общества, не обладая теоретической основой, которая позволила бы нам распутать историю социальных отношений, дать соответствующую интерпретацию прежде всего истории, связанной с насилием, которая, по существу, и определяет эти отношения. Любая созданная таким образом модель является

искусственным построением, так как, по словам Фернана Броделя,^[3] "она в значительной степени рискует исказить гораздо более сложную экономическую и социальную реальность и даже обнаружить склонность к манипулированию ею". И все же я без особых колебаний готов предпринять краткосрочное, а посему непременно отрывочное путешествие по памяти человечества, прибегнув к смешиванию истории и науки. Теории, которые лежат в основе этого слишком схематичного экскурса, своими корнями уходят в исследования, проведенные такими учеными, как Фернан Бродель, Жорж

Дюмезиль, Рене Жирар, Клод Леви-Страус, Илья Пригожий, Мишель Серр, Ив Стурдзе и Иммануэль Валлерштейн.

Я убежден, что возникающий сейчас новый мировой порядок, как и те, которые ему предшествовали, подчинен законам жизни и истории. Начнем в таком случае с начала.

Человек общается с человеком миллион лет. С открытия огня прошло по крайней мере пятьсот тысяч лет. С этого времени люди начали осознавать, что они понимают окружающий их мир и даже могут изменить его своими действиями. Прошло около пятнадцати тысяч лет с тех пор, когда

люди усвоили определенные принципы, или мифы, благодаря которым возникла социальная жизнь. Лишь десять тысяч лет назад люди начали жить в деревнях, перешли на оседлый образ жизни. Наконец, минуло менее тысячелетия с того времени, когда деньги начали доминировать в определенной социальной сфере человеческих отношений. Как же мы хотим понять, кто мы такие, не проанализировав знаний о нашем далеком прошлом? Какой опыт накопил мозг человека, чтобы дать ему возможность выжить?

Прежде определим некоторые понятия.

Я назову любую группу людей, обладающую хоть какой-то организацией, позволяющей ей существовать, — семью, племя, деревню, город, страну или международную организацию — социальным формообразованием. Для поддержания жизни в таких социальных формообразованиях людям было необходимо учиться жить, мирясь с насилием, как с тем, которое творят другие члены этого образования, так и с тем, которое определено самой природой. Все примитивные общества борются с этими двумя разновидностями насилия с помощью мифов. В них отражается элементарная мудрость:

насилие, постоянно проявляющееся между людьми, вызвано их соперничеством, которое провоцируется в результате столкновения из-за желания владеть одним и тем же предметом. Троянская война, разразившаяся из-за красавицы Елены, служит тому наглядным примером. Только у кого-нибудь возникнет желание обладать чем-то, как точно такое желание появляется и у другого. Ну а там, где возникает схожее желание, непременно появляется и насилие.

Чтобы умалить соперничество, угрожающее разрушению социальных формообразований, люди придумали иерархическую

организацию. Они создают градацию ценностей и отличий, которая предоставляет право всем членам той или иной группы перекладывать возможное осуществление насилия на одного человека, который является одновременно и господином, и "козлом отпущения". Наделяя правом творить насилие единственного правителя, другие члены группы опосредованно тем самым водворяют порядок. Таким образом, порядок устанавливается посредством наделения правом насилия определенной личности и желания прибегнуть к нему при необходимости.

Контроль над насилием,

творимым незримыми силами природы, обеспечивается тем же способом, что и контроль за насилием, порождаемым людьми: избранием индивидуума, которого после наделения его сверхъестественной божественной силой отправляют в подземный мир, чтобы он отстаивал там дело живых. По этой причине во всех примитивных обществах правитель и священник объединены в одном лице, которое становится чем-то вроде бога. Затем его либо чисто символически, либо на самом деле приносят в жертву, чтобы тем самым в дальнейшем предоставить группе возможность бороться за

существование. В его обязанности входит разрешение всевозможных споров среди своих сограждан и заступничество за них перед богами.

Без жертвоприношения не может быть стабильного, организованного общества. Не бывает порядка без хаоса. Но для того, чтобы такое жертвоприношение действовало безотказно и постоянно, оно должно принять соответственную форму какого-нибудь мифа, который постоянно повторяют священнослужители и которому правитель обязан подчиняться. Вера в сверхъестественное является основой порядка, предотвращая

насилие. С самого начала оседлого образа жизни, к которому перешли социальные формообразования, — вероятно, это произошло за десять тысяч лет до нашей эры — существовали три метода контроля за насилием: религиозный, военный и экономический. Первый определяет взаимоотношения человека с природой и фактором смерти, второй — взаимоотношения между различными социальными формообразованиями, а третий — взаимоотношения внутри каждого социального формообразования.

Эти три метода контроля за насилием определяют форму власти, свойственную определенному типу

социального формообразования, или социальной структуры. Все эти разновидности власти, которые можно назвать соответственно властью священства, военной силы и денег, сменяют друг друга, укрепляясь на тех, которые ей предшествовали. Время от времени какая-то из них выходит на первый план, захватывает доминирующие позиции, но это не исключает и функционирования других. Такая эволюция — переход от одной формы власти к другой — обычно не происходит на каких-то ярко выраженных, отдельных стадиях развития. Многочисленные особенности власти священства

могут проявляться и при власти военной силы, а эти две разновидности растворяются во власти, установленной деньгами, то есть во многом определяют тот мир, в котором мы с вами сегодня живем. Функциональная триада власти остается неизменной и сегодня. Никуда она от нас не делась.

Это происходит потому, что мы всегда прибегали к переговорам, опираясь на насилие. В связи с постоянным ростом социальных формообразований и структур контроль за насилием теперь осуществляется не только со стороны одной религии, он частично приобретает как политические, так и

экономические функции.

В период великих империй связь между насилием и смертью определяется властью церкви и военной силой, а когда возникает капитализм, эта связь устанавливается между военной силой и властью денег.

Десять тысяч лет назад люди жили маленькими, разобщенными и рассеянными по Земле группами. Мифы привели к созданию социального порядка, который концентрировался на одном "козле отпущения". Вначале такое существо было на самом деле человеком из плоти и крови, возвышенным над всеми остальными и наделенным

особым авторитетом и властью разрешать конфликты. Например, вождем является священник; он стремится к смирению насилия среди членов своей группы, наделяя каждого из них — мужчину, женщину, ребенка — какой-то ролью по отношению к священному. Все в мире наделено жизнью: как сама природа, так и предметы, сделанные руками человека. Внутри каждого предмета обитает дух. Обмен такими предметами означает обмен жизнями; чтобы выжить, нужно поедать плоть животных или плоды растений. Таким образом, употребление в пищу обогащенной энергией плоти в какой-то мере было

проявлением каннибализма. При порядке, установленном священством, человек живет потреблением или приобретением предметов, что, в общем, одно и то же. Нет ничего такого, что не оказалось бы интегрированным в рамках такого мировоззрения, — ни рождения, ни смерти, ни искусства, ни частной жизни.

Четыре тысячи лет назад из-за сельскохозяйственных и демографических нужд деревни стали объединяться. В Вавилоне, Египте, Китае, Индии, Японии, Америке и Африке порядок, установленный священством, начал вытесняться порядком,

установленным силой, чтобы
направить в нужное русло
соперничество и играть роль
посредника при улаживании
спорных вопросов. Полицейский
взял на себя обязанность священника
отделять праведных от грешных и
соответствующим образом карать их.
Правитель взял в свои руки
божественную вечную власть;
вначале он правил от лица Бога, а
затем, если это отвечало его
интересам, прибегал к силе. Только
он мог иметь предметы,
свидетельствующие о его
божественной роли. Только он
оставлял на Земле следы своего
пребывания в виде гробниц и

усыпальниц, а рождение такого человека означало рождение нового правителя. Прочие же умирали в полной безвестности. Все предметы утратили свою духовную сущность, они превратились в обыкновенные товары, торговля которыми регулировалась полицией. Порядок, основанный на силе, стоически держался даже тогда, когда порядок, основанный на деньгах, начал в VII веке до н. э. пробивать себе дорогу. Но этому порядку удалось одержать полную победу лишь двадцать столетий спустя.

В 1000 году н. э. в некоторых маленьких городках Европы, расположенных вдали от великих

азиатских империй, воображением человека постепенно стала овладевать идея денежного обращения. Деньги привели к мысли о том, что все вещи на свете можно оценить какой-то одной мерой, одним универсальным стандартом. Такая идея радикальным образом упрощала любой обмен и передачу информации. Таким образом, личное соперничество между людьми определялось тем количеством денег, которым владел тот или иной человек.

Денежное обращение получило столь быстрое распространение еще и потому, что являло собой просто невероятный прогресс по сравнению

со всеми предыдущими способами контроля над насилием. Ценность вещей уже не служила мерой жизни сделавших их людей и не зависела от силы тех людей, кто этими вещами владел. Теперь за всеми предметами стояли деньги. Они позволяли ввести в оборот значительно большее количество товаров и торговать ими на значительных расстояниях. При этом накопление богатства осуществлялось в гораздо лучших условиях, чем прежде. Различные товары могли оборачиваться свободно, не угрожая при этом жизни самого купца.

Деньги (или по-другому: «рынок» или «капитализм» — все

эти названия пригодны для чрезвычайно сложных, связанных между собой концепций), навязав себя людям, стали радикально новым способом контроля над насилием, и в этом они значительно превосходили старые порядки, основанные на священстве и на силе. При порядке, основанном на деньгах, власть определялась количеством денег, за которыми их владелец осуществлял контроль — вначале, само собой разумеется, с помощью силы, а затем и закона. "Козлом отпущения" становится человек, не имеющий денег, тот, кто угрожает установленному порядку, бросая вызов денежному обращению. Теперь

уже не бесноватый, как это было при порядке, устанавливаемом священством, или несправедливый, как это было при порядке, основанном на силе, а нищий, бедняк или номад становится "козлом отпущения".

В отличие от двух предыдущих порядков, когда рядом, рука об руку, могли существовать многочисленные социальные формообразования, как это имело место повсюду во всех соперничавших империях мира, порядок, основанный на деньгах, учреждался в любой необходимый момент в рамках какого-то уникального социального формообразования, преследуя при этом глобальную задачу или миссию.

При таком порядке различные социальные формообразования объединялись между собой на основе товара, который и направлял в определенное русло возникавшее между ними насилие. Власть денег царила повсюду, она диктовала законы для взаимоотношений, существовавших между различными социальными формообразованиями в соседних регионах.

В XIII столетии, когда стало формироваться то, что можно было бы назвать капиталистическим рынком, возник целый ряд экономических структур, или образований, и общество начало проявлять тенденцию к их

упорядочению. Каждое из таких образований основывалось на специфической технологии, обычно на технологии связи, использовании энергии или транспорта. Такая технология, в свою очередь, является экономическим двигателем, который стимулирует предложение и спрос. Если говорить в более широком смысле, то начиная с XIV века таких образований насчитывалось восемь.

Так как сегодня мы вступаем в новую, девятую по счету, рыночную структуру, то нам необходимо знать, что же именно определяет такую структуру. В центре каждого из таких формообразований стоит доминирующий над всем город, где

сконцентрирована основная финансовая, культурная и идеологическая власть (но не обязательно политическая). Как обычно, контроль за рынком осуществляет элита — она регулирует цены и продвижение товаров; элита получает прибыль, аккумулирует ее в своих руках, осуществляет контроль за заработной платой и рабочей силой, финансирует творческую деятельность и исследования. Элита определяет идеологию, поддерживающую власть. Религиозные революции в этом отношении часто становятся определяющими факторами. Валюта,

которой обладает центр, доминирует в международных обменах. Отовсюду приезжают художники и зодчие, которые возводят дворцы и строят гробницы, рисуют портреты и натюрморты.

Вокруг такого центра складывается определенная среда, или тяготеющий к центру регион, в который входит множество стран или развитых областей приобретающих товары из центра. Здесь можно столкнуться со старыми центрами и центрами будущего с процветающими или же переживающими упадок регионами.

Дальше находится периферия, в которой все еще частично существует

порядок, основанный на силе. В нее входят эксплуатируемые регионы, продающие сырье и свой труд как центру, так и примыкающем к нему району, не обладающие при этом доступом к богатству центра.

Любая рыночная структура пользуется более эффективными технологиями по сравнению с предыдущими при расходовании энергии и организации связи. Любая структура остается стабильной до тех пор, пока создает достаточное количество материальных ценностей, способных поддерживать спрос на товары.

Когда эта способность начинает давать сбои или же испытывает

затруднения, то такая рыночная структура ослабевает. Она становится уязвимой для альтернативной структуры, появление которой нарушает установленную нациями иерархию и доминирующую технологию.

Таким образом, рыночная структура обладает относительно коротким периодом стабильной жизни, оказавшись зажатой, как в тисках, между двумя продолжительными периодами хаоса. Необходимо отметить, что хаос является естественным состоянием мира, а осуществляемая рыночной структурой стабильность — это, скорее, исключение, чем

правило. В любой рассматриваемый нами момент рыночное общество либо находится в процессе освобождения от предыдущей структуры, либо приближается к какому-то новому образованию. Продолжительный период между этими двумя структурами, характеризующийся неуверенностью и явной регрессией, называется кризисом. Он возникает тогда, когда приходится платить слишком высокую цену, чтобы создавать и впоследствии поддерживать спрос, то есть сохранять платежеспособность потребителей, и когда тратится слишком много денег на военные нужды, чтобы

защищать такую рыночную структуру. Кризис будет продолжаться до тех пор, пока где-то не возникнет новая технология, не появится новое мышление, а новые социальные отношения не станут более эффективно влиять на спрос и тем самым не доведут долю себестоимости до уровня общей добавочной стоимости. Он завершается тогда, когда появляется новая организационная структура, когда возникает новый центр, когда новые технологии и социальные отношения допускают конкуренцию любого бизнеса на рынке, когда они заменяют нерыночные услуги каким-то изделием массового спроса на

рынке, создавая тем самым добавочную стоимость.

Таким образом, в любом кризисе участвуют соперничающие между собой страны, мечтающие о мировом господстве, или, если выразиться проще, об упрочении своего места в иерархии наций. Возникающие при этом основные элементы международных отношений объясняются разрабатываемой этими странами стратегией, сулящей им возможность остаться в регионе, тяготеющем к центру, или же самим превратиться в центр либо, в конце концов, проникнуть на периферию, если они все еще пребывают за рамками

рыночного порядка.

Сегодня мы являемся свидетелями заключительной стадии одного кризиса и начала подобных перемен. Для понимания возможных результатов такого перехода проанализируем некоторые, характерные черты предыдущих рыночных структур.

С XIII по XX столетие существовало восемь пришедших друг другу на смену структур, которые характеризовались следующими восемью центрами:

Брюгге (1300 г.), Венеция (1450 г.), Антверпен (1500 г.), Генуя (1550 г.), Амстердам (1650 г.), Лондон (1750 г.), Бостон (1880 г.) и

Нью-Йорк (1930 г.);

— восемью основными
технологическими новинками,
главными из которых стали:
печатный станок, бухгалтерский учет,
кормовой винт, быстроходная
голландская плоскодонка, каравелла,
паровой двигатель, двигатель
внутреннего сгорания, электромотор.

С изобретением более
эффективной технологии улучшается
производство и общество находит
возможность снижать себестоимость
товаров и услуг. Новые товары
массового производства заменяют
трудоемкие услуги, которые прежде
оказывались за пределами рынка, и
таким образом создаются новые

материальные ценности. Например, телегу, запряженную волом, или фургон с лошадью заменяет автомобиль, корыто — стиральная машина; истории у камелька в длинные вечера вытесняются театром, а на смену театру приходит телевидение. Неумолимая логика постоянно расширяющегося рынка требует не насыщения его дорогостоящими, трудоемкими товарами и услугами, а предложения потребителю большого количества дешевых товаров. С появлением каждой последующей рыночной структуры первоначальная ячейка производства и потребления — семья — все в большей степени

приближается к своему биологическому ядру, а все ее изначальные функции (будь то питание, одежда, кров над головой) передаются рынку. Сегодня перед семьёй нависла явная угроза распада, так как те услуги, которые когда-то ее члены оказывали друг другу бесплатно, теперь заменяются товарами массового спроса, за которые нужно платить.

Бродель прекрасно понял этот процесс: "У мировой экономики центром тяжести всегда был город — этот главнейший снабженческий узел ее активности. Информация, товары, капитал, кредит, люди, различные инструкции, корреспонденция — все

это потоком вливается в город и выливается из него. Его могущественные купцы, устанавливающие торговые законы, иногда сколачивают себе громадные состояния". Но Броделю было хорошо известно, что ничто в этом мире не вечно: "Самым главным пороком этих пульсирующих энергией капиталистических городов была высокая стоимость жизни, не говоря уже о постоянно удерживающейся на максимальном уровне инфляции, суть которой заключалась в более высоких расходах на жизнь в городе". В результате он пришел к следующему выводу: "Приоритетность положения

определенно может быть стабильной, она постоянно меняется... Такие сдвиги... всегда весьма знаменательны; они прерывают мирное течение истории... раскрывают опасность предыдущего равновесия и обнажают характер тех сил, которые пришли ему на смену... В мировой экономике в определенный отрезок времени может существовать только один центр. Успех одного рано или поздно означает закат другого". Здесь можно задать главный вопрос: "А кто решает, какой регион или город должен стать таким центром?"

Город становится подобным центром, если все звезды

„индустриальных и политических элитарных кругов объединятся ради выполнения какого-то культурного проекта и, бросив все свои ресурсы на развитие новых технологий, ускорят создание особых средств коммуникаций. В силу такого стремления к изобретению технических новшеств они в определенный исторический момент оказываются лучше, чем любая другая группа людей в мире, подготовленными к удовлетворению осязаемой всеобщей потребности в новых видах товаров. Для окончательного разрешения возникшей проблемы необходима такая нация, которая способна

действовать с большим воображением, нежели ее конкуренты. Например, Амстердам, который остро ощущает нехватку земли для выращивания пшеницы, бурными темпами развивал в XVII веке лакокрасочную промышленность. Отсутствие необходимого количества запасов угля в Англии, вероятно, стало главной причиной интенсивного распространения по всей стране парового двигателя.

Такие события часто совпадают по времени с радикальными изменениями в религиозном мышлении или политической деятельности: фигуры Лютера и

Локка, по крайней мере, настолько же важны для утверждения в качестве центров Амстердама и Лондона, как и технологические открытия этой эпохи. Сегодня точно так же Токио, который не в состоянии раздвинуть свои географические рамки, овладел в совершенстве техникой миниатюризации. Заезженная фраза "голь на выдумки хитра" является непреложной экономической истиной. Материальное изобилие, преимущества географического положения редко приводят к созданию подобных центров.

В этой связи очень важно подчеркнуть, что ни при прошлых

рыночных структурах, ни при тех, которые возникнут в будущем, центр никогда не становится центром глобальной политики по предопределению свыше. Гораздо чаще центрами становились города, сумевшие уберечься от войны, в которой кровью истекли их соперники (об этом уроке нельзя забывать, когда мы попытаемся дать достойную оценку будущего места Америки в мире).

Восьмая по счету рыночная структура возникла в 30-х годах нашего века. Ее центром стал Нью-Йорк, фактическая столица обширного региона, чье процветание обеспечивалось технологией

электромотора, благодаря которому появились товары массового спроса длительного пользования, значительно сокращавшие затраты времени у потребителя: стиральные машины, холодильники и пылесосы. Вторая мировая война стала поворотной такой рыночной структурой. Стремление американских семей иметь в своем распоряжении товары длительного пользования было удовлетворено благодаря представителям экономической школы Кейнса, а также ряду экономических мероприятий, получивших название "Новый курс". Они предусматривали крупные расходы на социальные

нужды в послевоенный период и прежде всего были нацелены на укрепление покупательной способности американцев и передачу недвижимости большинству населения страны. Легкодоступные кредиты позволяли потребителям постоянно приобретать новые товары. Мэдисон-авеню и Уолл-стрит делали все возможное, чтобы создавать и постоянно расширять рынки для разнообразных товаров. Та рыночная структура, центром которой стал Нью-Йорк, добилась бесспорного господства, и такое положение сохранялось до середины 60-х годов, когда ее поразил кризис, возникший

в результате резкого удорожания себестоимости производимых товаров и оказываемых услуг. На рынках этого центра и прилегающих к нему регионов, которые обеспечивались основными валютами, воцарилась анархия. И такой кризис будет продолжаться до тех пор, пока не возникнет какой-то новый центр и не появятся новые потребительские товары.

Экономическая модель, демонстрирующая ход развития и причину упадка мировых центров, помогает понять суть того переходного периода, в который мы в настоящее время вступаем. Его анализ позволяет нам глубже понять

и по достоинству оценить усилия, предпринимаемые Соединенными Штатами, стремящимися удержаться на пьедестале в качестве центра восьмой рыночной структуры и тем самым препятствовать восхождению бросающих им вызов Европы и Азии, которые хотели бы утвердиться в качестве нового центра девятой рыночной структуры, продолжающей свое триумфальное наступление.

Глава II. БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО

Во всем мире — на любом континенте, в любой полушарии — разваливаются диктаторские режимы. Ни одному тирану не удастся избежать подъема демократии в своей стране. Электронная связь и телевидение делают границы «прозрачными». Традиционные представления о национальном суверенитете становятся не столь уж существенными. Аппарат телефаксовой связи или просто видеокассета позволяют заглянуть за

занавес государственной цензуры. Несмотря на то что мир, судя по всему, повседневно сужается, его культурные ценности и материальные запросы становятся более однородными. Хотя во всех странах создаются могущественные корпорации, власть по-прежнему остается в руках элиты, проживающей в ограниченных местах, где накапливается богатство и укрепляется влияние, где решаются критические для планеты вопросы.

Восьмая — рыночная структура с центром в Нью-Йорке, находясь перед лицом свирепой конкуренции, переживает жестокий кризис. Другие регионы мира тоже стремятся

стать центрами какой-нибудь новой рыночной структуры. Разумеется, пока слишком рано делать определенные предсказания, где окажется будущий центр мировой экономики. Но мы уже видим, как нарождается новый мир, провозглашающий совершенно иной век развития человечества.

Культура свободного выбора (иными словами, настоящая потребность в рынке и демократии) сама выполняет роль повитухи при рождении девятой рыночной структуры. Способность творить, производить, торговать неразрывно связана с расширением спектра политического плюрализма. Все, что

происходит на улицах и в парламентах Будапешта и Соуэто, Сантьяго и Москвы, является отражением этого революционного процесса.

Такая эволюция несомненно нарушит нынешние экономические планы, как и планы обеспечения национальной безопасности, она изменит принципы геостратегии, но вслед за исчезновением идеологической вражды времен "холодной войны" география вновь утвердит свои законы в отношении истории. На протяжении последних пятидесяти лет мировой порядок был установлен повсюду таким образом, что напоминает собой пирамиду с

двумя столбами. Пирамида — это форма восьмой рыночной структуры при порядке, основанном на деньгах. На ее вершине стоят Соединенные Штаты, а все остальные страны сползают с этого американского пика, соблюдая при этом иерархический порядок. Доллар правил международной валютой. Американская поп-культура царила повсюду. Этот элементарный факт и стал отправным пунктом для развития теории современной политической экономии.

Два столба — это следы порядка, основанного на силе. Это две ядерные супердержавы — Соединенные Штаты и Советский

Союз, которые навязывали свои взгляды союзникам и играли роль арбитров при возникновении региональных конфликтов. И этот факт оказался отправной точкой для развития теории современной военной стратегии.

Сегодня вся эта структура разваливается у нас на глазах: пирамида меняет свою верхушку, а один из столбов рассыпается. Позиция Америки — этого пика пирамиды, начинает испытывать на себе сильное давление; в Восточной Европе порядок, основанный на силе, уступает место порядку, основанному на деньгах. Все эти события серьезно меняют самую

природу глобальной экономической борьбы и вероятности военного конфликта.

Скоро мы уже не сможем говорить о противостоянии Север — Юг или Восток — Запад в строгом смысле этого слова. Категории периода старой "холодной войны" здесь уже непригодны.

Было бы верхом глупости считать, что можно добиться необратимой, абсолютной «кончины» Соединенных Штатов или столь же неотвратимого распада Советского Союза. Можно только с уверенностью утверждать, что новый центр, в том смысле, который мы придавали ему в предыдущей главе,

утвердится где-то в двух доминирующих сферах — Европе или бассейне Тихого океана — и что страны Восточной Европы непременно придут к рыночной экономике. В остальном все зависит от того, в каком направлении пойдут грядущие перемены. Соединенные Штаты вновь смогут потянуть на себя этот центр, что потребует от них поистине геркулесовых усилий, поскольку будет необходимо мобилизовать волеизъявление всей нации ради эффективного использования финансовых активов страны. Такие попытки могут оказаться недостаточными. Если экономический спад в Америке

углубится, от этого пострадает вся Европа. Но если Западной Европе удастся вовлечь Восточную Европу в рамки своего экономического развития, то у такой интегрированной Европы появится шанс взять на себя роль нового центра мировой экономики. В таком случае он получит возможность расти и развиваться как наиболее населенный, наиболее богатый и обладающий наибольшим творческим потенциалом центр во всем мире.

Если этого не произойдет, то, по-видимому, новым центром станет Япония, так как эта островная нация создала все необходимые условия для

привлечения мирового финансового, промышленного и даже культурного могущества. Япония по сравнению с Америкой обладает рядом преимуществ: массовое производство потребительских товаров на основе высоких технологий развивалось там значительно дольше, чем в любом другом районе мира; наличие слаженного объединения государственных и промышленных интересов плюс общее для всех желание принимать рынок, поддерживать и всячески расширять его сферу в экономике; существование самобытной культурной традиции овладения индивидуальным мастерством, а

также прямо-таки навязчивой идеи непременно добиться консенсуса у своего народа; наконец, постоянно усиливающееся влияние на прилегающий материковый регион (я имею в виду Соединенные Штаты Америки и азиатских «тигров» — Гонконг, Сингапур, Южную Корею и Тайвань), который и без того достиг высокого уровня развития.

Эти два претендента на роль центра девятой рыночной структуры теперь ведут энергичную конкурентную борьбу. Ставки в такой игре довольно высокие: речь идет "всего лишь" о политическом и экономическом господстве над миром. Но ни один из них не

одержал победы. В границах этих конкурирующих друг с другом сфер наблюдается значительный рост торговли и производства товаров, народонаселения, объема информации; этот внутренний рост обгоняет даже внешнюю торговлю. Каждая сфера — это однородная, закрытая группа людей. В каждой из них главная экономическая держава (с одной стороны — Япония, а с другой — Европейское сообщество) опережает главную военную державу (с одной стороны — Соединенные Штаты, а с другой — Советский Союз). Такая эволюция осуществляется благодаря постоянному процессу интеграции и

устойчивому соперничеству.

Чтобы лучше понять, куда может привести такое двойное движение и какая именно из этих двух сфер в итоге будет доминировать над другой, необходимо выявить некоторые факты и тенденции, которые наблюдаются в каждой из них. Под термином "сфера Тихого океана" я подразумеваю группу стран, расположенных в бассейне Тихого океана (в общепринятом смысле), то есть Океанию: быстро развивающиеся страны Восточной Азии (Японию, Южную Корею, Индонезию, Сингапур, Тайвань, Филиппины, Гонконг), а также все народы, живущие в Северной и

Южной Америке. Сюда я не включаю Китай или Вьетнам. Этот громадный регион превратился в зону экономического «взрыва». Здесь очень высок уровень роста населения и производства, постоянно умножаются сети путей сообщения, внутренняя торговля опережает торговый обмен с остальными странами мира. Мы становимся свидетелями формирования настоящей интегрированной сферы; власть перемещается с одного побережья Тихого океана на другое.

Однако существуют важные условия, которые предстоит выполнить любому кандидату на роль центра будущей мировой

экономики, и эти условия, особенно для Японии, могут оказаться трудновыполнимыми. Например, способна ли Япония создать такие социальные ценности, которые с радостью воспримут народы всего мира? Намерена ли Япония взять на себя роль военного защитника как периферии, так и материка, то есть ту роль, которую непременно обязан играть центр?

Ответы на поставленные выше вопросы не всегда достаточно очевидны, особенно после довольно пассивного поведения Японии во время "войны в Персидском заливе". Впервые в истории капитализма нация, претендующая на роль

центра, проявляет колебания и не решается заплатить за это полной монетой и взвалить на себя ношу имперской мантии. Япония отлично усвоила один урок, согласно которому вершина — это ближайшая к пропасти точка.

Разумеется, Соединенные Штаты не намерены добровольно сойти со сцены, и, безусловно, Америке пока хватает собственных финансовых, технологических и демографических ресурсов. Тем не менее если не произойдет никаких важных изменений, то у них просто не окажется достаточных средств, чтобы одержать решительную победу над Японией.

Характерным фактором в жизни Соединенных Штатов сегодня является постоянно дающий о себе знать относительный спад в экономике. Многие до сих пор отказываются этому верить. Ученые мужи принялись склонять на разные лады победу Вашингтона над Багдадом в качестве позитивного доказательства того, что прогнозы спада были ошибочными. Они расписывают военную мощь Соединенных Штатов, их перевес в ядерных вооружениях, подчеркивают их внушительное военное снаряжение, которое создается с учетом всех последних достижений в области технологии. Они с большим

почтением относятся к своей аэрокосмической промышленности, дают должную оценку сфере рыночной экономики, грезят о еще довольно значительных богатствах Уолл-стрита, гордятся размерами своих банков (независимо от того, до какой степени ненадежными могут оказаться их фонды), с завистью взирают на яркие этикетки капиталистической экономики, восхищаются творческим горением Голливуда и многим, многим другим. Когда им говорят, что в Америке наблюдается спад, то они в ответ заверяют, что сокращающаяся в мировой экономике роль Соединенных Штатов объясняется

возрождением стран, разрушенных во второй мировой войне, а никак не зыбкостью основ американской экономики.

Эта земля отважных людей, это прибежище свободных предпринимателей по-прежнему сохраняет свое могущество и динамизм. Наконец, по мнению ученых, даже если в американской экономике и произойдет серьезный спад, то страна все равно найдет в себе силы, чтобы встряхнуться, сделать рывок вперед и вновь овладеть инициативой, вновь обрести свою лидирующую роль в мире. Кроме того, Америка — дочь Европы, и поэтому она постоянно

обращает свой взгляд к Атлантике и Средиземноморью, а не к Тихому океану. Ни один из этих аргументов, к сожалению, нельзя назвать убедительным. Промышленность — это единственная надежная основа экономической мощи страны, и тут признаки американского спада дают о себе знать повсюду. В связи с этим можно лишь выразить сожаление, так как и для Европы, и для всего мира было бы лучше, если бы Америка и впредь оставалась экономически здоровой и сильной страной. Но факты говорят сами за себя.

Например, американское промышленное производство (до сих пор крупнейшее в мире) растет в три

раза медленнее, чем аналогичное производство в Японии, и в два раза медленнее по сравнению с Европой. За последние несколько лет в Соединенных Штатах не было изобретено ничего нового, за одним существенным исключением — микропроцессор. Даже традиционные потребительские товары, выпускаемые в Америке, уже не могут выдерживать требуемую конкуренцию. Соединенные Штаты почти ничего не экспортируют из произведенных у себя дома товаров — ни автомобили, ни телевизоры, ни бытовую технику. В отношении изделий, изготавливаемых с применением современных

технологий, которые, по-видимому, составляют две трети американского экспорта и три четверти внутреннего производства, в торговом балансе постоянно растет дефицит. Что касается изделий, произведенных с использованием точных технологий, то у Соединенных Штатов отмечается позитивный торговый баланс в тех двух областях, в которых они в течение продолжительного времени пользовались полумонополией: речь идет об аэрокосмической промышленности и о производстве компьютеров.

Что касается других товаров, то дефицит здесь за последние десять лет увеличился в шесть раз. Даже в

военной промышленности, в аэрокосмической промышленности и в производстве компьютеров — в тех отраслях экономики, где у Соединенных Штатов имеются значительные преимущества, — в других странах появляется все больше конкурентоспособных предприятий, что предполагает сокращение американской доли даже на тех немногочисленных рынках, где они пока еще доминируют. Разумеется, американские компании располагают заморскими филиалами, результаты деятельности которых не включаются в коммерческую статистику и фигурируют лишь в графе

регистрационных доходов, переведенных на родину, в главную контору. Но все, что Соединенные Штаты производят за пределами своих границ, приносит американской экономике лишь косвенные доходы.

Дефицит в экономике вырос, а роль Америки в глобальной экономике стала менее заметной: за последние пятнадцать лет американская промышленность потеряла шесть процентных пунктов своей доли в мировом рынке. Япония за этот же период, напротив, приобрела пятнадцать пунктов. Американская доля на рынке машиностроения, этого главного

продукта, свидетельствующего об экономической конкурентоспособности страны, за тридцать лет сократилась с 25 до 5 процентов, а японская за тот же период возросла с 0 до 22 процентов.

Для ликвидации дефицита Соединенные Штаты начали поощрять использование доллара в качестве платежного средства иностранными заимодавцами, и в «плавающей» валютной системе доллар стал универсальным мерилom стоимостной ценности как при платежных расчетах, так и для резервного фонда. В результате внешний долг Соединенных Штатов значительно возрос и в настоящее

время превышает объем всех их займов, сделанных за рубежом. Огромный рост бюджетных расходов на образование, здравоохранение и оборону делает невозможным бездефицитное финансирование. Состояние мостов, дорог, школ и больниц постоянно ухудшается и требует срочного ремонта. Во избежание растущих налогов американское общество сократило свои капиталовложения в инфраструктуру (что тут же снизило эффективность рыночной экономики) и прибегло к займам на рынке сумм, необходимых для покрытия дефицита, главным образом у Японии. Денежные

сбережения американцев постоянно снижаются, что может вызвать определенные трудности при финансировании капиталовложений в будущем. Судя по всему, частные финансовые источники не способны выправить создавшееся положение и заметно повлиять на дальнейший ход событий. Они предоставляют займы традиционным отраслям промышленности и не дают деньги предприятиям, которые занимаются инновационной деятельностью, предпочитая удовлетворять запросы иностранных заимополучателей, а не своих собственных. Они стремятся вкладывать деньги, скорее, в большой бизнес, чем в малые предприятия,

больше в сельское хозяйство, чем в промышленность.

Растущая себестоимость услуг, уменьшение объема сбережений, рост числа неимущих, преступности, наркомании, утрата всякого интереса к дальнейшему развитию промышленности, недальновидный взгляд на длительную перспективу распространенных потребительских товаров на мировом рынке — как видим, Америка ничего не предпринимает, чтобы производить необходимые ей товары для внутреннего потребления либо экспортные товары для покрытия своего внешнего долга. Все эти печальные тенденции коренятся в

глубокой культурной мутации, в культе немедленного удовлетворения своих запросов, в чувстве благодушия и самодовольства, в отсутствии социальной солидарности, и все это свидетельствует о том, что страна расстается с теми ценностями, которыми здесь когда-то все поголовно восхищались.

Такое опасное положение можно изменить, если попробовать снова инвестировать капиталы в промышленность, в инфраструктуру, необходимую для функционирования эффективной рыночной экономики, если добиться роста денежных сбережений, появления новых товаров, пробуждения коммерческой

жилки, поощряющей американцев к новым экономическим успехам. Главной ставкой страны остается использование южных задворков Америки — центральноамериканских и латиноамериканских стран. Но чтобы добиться такого притока "свежей крови" в экономику, Соединенным Штатам придется превратиться в испаноязычную нацию. А это весьма проблематично.

Экономический центр Соединенных Штатов будет по-прежнему смещаться к Югу и в направлении Тихого океана. Эту ситуацию можно объяснить одним совершенно новым аспектом

эволюции развития, осуществляемой в настоящее время в Соединенных Штатах. Их торговля и товарооборот не растут в той же пропорции, которая наблюдается в тихоокеанской торговле. Уже сейчас объем торговли в бассейне Тихого океана больше чем наполовину превышает трансатлантические торговые сделки. Если так будет продолжаться и впредь в том же темпе, то этот объем возрастет в два раза до конца нынешнего столетия. Торговля Соединенных Штатов со странами бассейна Тихого океана — это особенно «острый» индекс, указывающий на относительный экономический спад в США,

который происходит в связи с односторонним продвижением товаров: американский дефицит в торговле со странами Азии составляет около двух третей от общего дефицита Соединенных Штатов и равняется одной трети объема всей их торговли — около 100 миллиардов долларов, причем половина этой суммы приходится на одну Японию.

Многие обозреватели полагают, что американский дефицит объясняется японским протекционизмом и архаичной системой японского распределения. Но такое объяснение, хотя оно частично и верно, нам кажется явно

недостаточным. Японский протекционизм, безусловно, усугубляет американский дефицит, но он бессилён его вызвать; с течением времени протекционизм не сможет противодействовать конкурентоспособным товарам.

Таким образом, характерно, что в нарождающейся тихоокеанской сфере распределение крупных капиталовложений в фундаментальные отрасли промышленности — а это и есть экономическая власть в своём главном аспекте — сегодня находится в руках Японии. Всего за двадцать лет побежденная во второй мировой войне нация, преодолев

положение слаборазвитой страны, достигла уровня крупнейшей экономической державы мира. И главным доказательством правоты такого вывода может служить ее промышленность. Японские бизнесмены тратят в два раза больше денег на модернизацию производства, чем их американские коллеги. Япония дает более половины мирового производства микропроцессоров, а Соединенные Штаты, которым принадлежит честь изобретения этой важнейшей современной технологии, — только 38 процентов. Европа же доставляет на мировой рынок лишь 10 процентов такой продукции

стоимостью 500 миллиардов долларов. Приступая к производству тех или иных потребительских товаров, японские фирмы рассчитывают наперед, какой технический «прогресс» они смогут «выжать» из этого предприятия. Так как они являются создателями большинства новых потребительских товаров, они могут позволить себе пойти на такие капиталовложения, которые на первых порах не сулят больших прибылей. Они также могут снизить цены либо с единственной целью дальнейшего увеличения своей рыночной доли, либо ради поддержания ее на прежнем уровне. Япония сумела вначале перенять, а

затем и сама стала изобретать изделия, технологии и технические направления, необходимые для становления завтрашнего индустриального мира. Идея применения роботов, миниатюризации машин появлялась и в других странах, но именно Япония первой создала их на практике; точно так же в позапрошлом веке паровой двигатель был применен в Англии, хотя он и не был изобретен в этой стране.

Причину подобного роста экономического могущества в основном нужно искать в культуре. Всякий раз создание какого-то центра было лишь результатом

развития культуры, реакцией на сложности географического положения или же на недостаток какого-то важного вида ресурсов. В Японии, например, не хватало пригодной для обитания земли, и этот фактор способствовал появлению миниатюрных изделий; страх перед изоляцией привел к всплеску развития средств связи; нехватка энергии заставила исследователей заменить путешествия информацией; часто происходившие землетрясения привели к появлению легких и прочных материалов и недорогих предметов обихода, которые можно было без труда и без особых затрат

заменить. Наконец, в результате долгой истории междоусобной борьбы и связанного с ней насилия японское общество научилось вносить перемены в свою жизнь с помощью всеобщего консенсуса. По-японски слово «изменение» ("nemawashi") означает также «перенесение», "трансплантация". Если приходится долго ждать перемен, то, когда они наступают, непременно пускают глубокие корни.

Такие культурные и географические особенности заставляют японцев в большей степени, чем другие народы, учитывать риск, связанный с будущим. Это народ, который

откладывает про запас больше, чем тратит, и экспортирует больше, чем импортирует. Он хорошо чувствует отдаленную перспективу, затрагивающую собственные интересы, не чурается тяжкого труда, проявляет особую щепетильность к качеству продукта, склонен к изобретательству и производству новых товаров массового спроса. Японцы всегда выражают готовность научиться чему-то у других, проявляют свой динамизм в отношении к внешнему миру.

Без шумных деклараций Япония стала доминирующим полюсом притяжения всего Тихоокеанского региона, который все в большей

степени затрагивает и Соединенные Штаты. Мало-помалу Япония захватила контроль над лежащими поблизости рынками, а также индустриальными районами и системами коммуникаций. Японские капиталовложения в промышленность в странах Азиатско-тихоокеанского региона ежегодно растут на треть, теперь Япония осуществляет свой контроль более чем над третью всех торговых сетей и над половиной системы распределения потребительских товаров. В этих быстро развивающихся странах японские отрасли промышленности находят обширные рынки, которые, в свою

очередь, ускоряют ее собственный экономический рост. У немногих из этих стран показатель ежегодного прироста составляет менее десяти процентов. А четыре «дракона» — Гонконг, Сингапур, Тайвань и Южная Корея — почти достигли уровня наиболее развитых стран Европы. Кроме того, здесь наблюдается значительный демографический бум, который способствует быстрому росту числа потребителей. Азиатские страны, расположенные в Тихоокеанском регионе, вместе уже производят одну шестую мирового валового продукта. К концу столетия валовой продукт этого региона сравняется с уровнем Европейского

сообщества или Соединенных Штатов. Региональная торговля здесь уже составляет одну десятую от мировой и значительную часть собственно тихоокеанской торговли. Этот товарооборот растет настолько быстро, что через десять лет половина мировой торговли будет приходиться на страны Тихоокеанского бассейна. В настоящее время уже шесть крупнейших в мире портов расположены на азиатском берегу Тихого океана, а в скором будущем половина всех перевозимых по воздуху грузов планеты пересечет Тихий океан (ожидается, что к 2000 году объем воздушных перевозок

увеличится в шесть раз).

Такая торговля в значительной степени стимулирует экономический рост Японии и усиливает ее лидирующее положение в экономике, где она играет доминирующую роль. Итак, ее эффективность еще больше усиливается с устранением главного препятствия, не только замедляющего, но и сдерживающего здесь рост товарооборота. Такое препятствие — большие географические расстояния. Само собой разумеется, территориальная близость к своим торговым партнерам — это «ключевая» проблема, порождающая в сознании нации представления о своей

принадлежности к одному и тому же миру, что способствует выработке определенных коммерческих навыков и взаимному промышленному влиянию. Расстояния, разделяющие соседей в бассейне Тихого океана, все еще довольно велики для современных транспортных средств, что мешает столь же быстрому и эффективному обмену идеями, рабочими местами или товарами, как, например, это происходит между Европой и Соединенными Штатами. Поэтому Япония должна особенно напряженно трудиться, чтобы, наконец преодолеть и это весьма серьезное препятствие. Ей предстоит

сделать крупный скачок с целью ускорения создания новых коммуникаций.

Революция в области средств связи уже произошла: телефон, телефакс, кабельная и спутниковая связь — все эти системы позволяют в любой момент передавать, по сути дела, со скоростью света в любую точку земного шара чертежи, рисунки, жизненно важные идеи для промышленного развития и использования. В индивидуальном порядке японцы являются признанными лидерами в этой области, и это далеко не случайно.

Транспортировка товаров и перевозка людей через громадные

пространства Тихого океана требуют создания нового поколения самолетов и судов. В настоящее время разрабатываются сверхскоростные самолеты, способные развивать скорость в 3,5–5 Маха (т. е. в 3,5–5 раз быстрее скорости звука). Если у них окажется счастливая коммерческая судьба, то такие самолеты, вылетая из Токио, смогут достичь любой точки в Тихом океане менее чем за два часа. Несколько стран уже вступили между собой в конкурентную борьбу за право оказаться первыми в этой области. Речь идет о создании и поточном производстве таких машин. Здесь существует жесткая

конкуренция между Францией, Англией, Германией, Соединенными Штатами и, конечно, Японией. Успех в выполнении таких крупных проектов зависит от технических достижений в разработке необходимых для них материалов, в разрешении проблем, связанных с усилением воздушной тяги, аэродинамическими свойствами аппаратов, их деталями и горючим, а также от создания двигателя, обеспечивающего взлет самолета, переход его на сверхзвуковые режимы, дальнейшее ускорение, возвращение в плотные слои атмосферы и надежное приземление. Будут ли созданы подобные машины?

Этот вопрос до сих пор остается открытым, так как такие виды самолетов не являются жизненно важной необходимостью для любой страны, лежащей за пределами бассейна Тихого океана. Японцы, которые больше других страдают от такого положения, очень активно преследуют эту цель, и вполне вероятно, что именно они создадут первыми такой самолет и почти наверняка совместно с Соединенными Штатами (компания «Боинг» уже сотрудничает с компанией «Мицубиси» с целью производства самолета «767» и его модификации — "777"). Самолет такого образца позволит

тихоокеанским странам начать жить в космическом измерении, что сегодня равнозначно объединению всей Европы. Япония ведет подготовку к такому повороту событий: она планирует создать неподалеку от Токио искусственный остров и построить на нем новый аэродром, наподобие сингапурского «эйртрополиса», который будет оснащен всеми средствами коммуникаций и связи будущего. Он сможет принимать и обслуживать новые типы сверхзвуковых самолетов.

Такого же прогресса предстоит добиться и в строительстве океанских судов, и он вполне

предсказуем. Через пятнадцать лет благодаря судам, которые будут значительно более скоростными и энергонасыщенными по сравнению с теми, на которых мы плаваем сегодня, все азиатские порты окажутся в пределах однодневного перехода, а путешествие через Тихий океан займет не более трех дней. И здесь потребуется достичь значительного прогресса в области динамики, создания новых материалов и новых двигателей. Подобно тому как галеры и голландские скороходные лодки превратили в мировые центры Венецию и Амстердам, Япония, если она только всерьез намерена стать

центром Тихоокеанского региона, должна возродить морские верфи, то есть ту область, где в настоящий момент полностью господствует Южная Корея, извлекая из этого бизнеса большие прибыли.

Наконец, Япония заинтересована и в развитии наземного транспорта. Японская автомобилестроительная индустрия уже далеко вырвалась вперед по сравнению со всеми другими странами Тихоокеанского бассейна. Ожидается, что в ближайшее время она удвоит свою рыночную долю автомобильного производства на территории Соединенных Штатов. Япония также проводит интенсивные

исследования с целью создания водородного двигателя, который призван совершить подлинную революцию в этой области. Через пятнадцать лет скоростные поезда на магнитной подушке всего за один час доставят пассажиров из Токио в любой город всех ее островов, и таким образом Японский архипелаг превратится в объединенную метрополию, гигантский центр, способный координировать ту сферу, контроль за которой уже давно является одной из тайных амбиций этой страны.

Нельзя не согласиться с тем, что существующие среди стран Тихоокеанской сферы

географические и культурные различия станут значительным препятствием на пути ее дальнейшей интеграции, но Япония отнюдь не считает его непреодолимым. Проявляя свою деликатность, прибегая к мудрой дипломатии, Япония все увереннее демонстрирует всему миру свое гигантское превосходство в области технологии, финансов и экономики. Господство на море имеет для нее решающее значение. Если Японии удастся его добиться, она будет диктовать условия своим партнерам. Однако до сих пор остается открытым вопрос о военной защите этой сферы.

Токио уже сейчас является

главным центром всех мировых финансов: именно сюда стекаются прибыли, полученные во всем мире, и здесь развивают свою деятельность различные финансовые учреждения. В Токио находятся, по крайней мере, восемь из десяти крупнейших мировых банков. Система принятия решения у японцев (это любопытная и загадочная связь бизнесменов и высокопоставленных чиновников) в своем функционировании предполагает наличие крупной личной собственности и различных фондов. Это позволяет им удерживать под своим контролем высокую покупательную способность, нацеленную главным

образом на американский и европейский бизнес. Ревальвация иены не замедлила процесс вторжения японских товаров на мировые рынки. Это позволило поднять стоимость ценных бумаг японской фондовой биржи с 10 до 55 процентов от общей стоимости мирового товарооборота. За этот же период стоимость товарооборота Соединенных Штатов сократилась с 40 до 20 процентов по отношению к общемировому.

Японский Джаггернаут^[4] продолжает набирать силу. Благодаря активному экспорту товаров и капитала в Японии ежегодно накапливаются денежные излишки в

200 миллиардов долларов, которые она инвестирует в бизнес во всем мире, преимущественно в Соединенных Штатах. (Япония приобретает в США две трети всех их ценных бумаг.) Япония уже скупила большую часть полезной площади под свои коммерческие конторы и значительную часть американского среднего бизнеса. Японским инвесторам принадлежит уже более трети недвижимости в нижней части Лос-Анджелеса, а также большая часть "зеркала американского индустриального превосходства" — нью-йоркский «Рокфеллер-центр». Такие японские компании, как «Сони», "Мацушита",

просто ошеломили американцев, «заграбастав» голливудскую "фабрику грез", предварительно купив соответственно такие кинофирмы, как "Коламбия пикчерс" и «МСА». Группа «Мицуи», например, является владельцем трети акций семидесяти пяти американских предприятий, получает ежегодный доход от них в размере 17 миллиардов долларов и надеется удвоить число своих филиалов за несколько ближайших лет. В 1989 году японские компании вложили в два раза больше средств по сравнению с предыдущим в американские компании, ведущие разработки точных технологий или

стратегические исследования.

Более того, теперь ни у кого, кажется, не вызывает сомнения тот факт, что Япония очень скоро создаст (и, вероятно, поставит под свой контроль) большую часть визуальных средств, способных вести передачи через Тихий океан. Япония, вероятно, будет контролировать разработку технических стандартов для такой продукции, как телевизоры с высокой разрешающей способностью изображения, и сделает это не только во всей Тихоокеанской сфере, но и в других регионах мира. Это непременно произойдет, если Европа с Америкой не сумеют объединить усилия, чтобы

нанести контрудар. В противном случае Япония начнет навязывать свои товары американским потребителям, продавая им фактически все телевизоры, сканеры и графические системы компьютерного дизайна. Такой поворот событий поставит Соединенные Штаты в весьма критическое положение, тогда станет ясно, что создание визуальных систем, а также средств передачи изображения все в большей степени накладывает отпечаток на производство любых изделий, товаров и продуктов. Если Соединенные Штаты окажутся неконкурентоспособными в данной

области, это в значительной мере усугубит их относительный экономический спад.

В один прекрасный день Соединенные Штаты могут превратиться в некое подобие периферии с новым центром, расположенным в Токио. И такая перспектива вполне вероятна. Америка может стать японским зернохранилищем, как это случилось с Польшей в отношении Фландрии в XVII веке. В Америке выделяется такое количество посевных площадей под производство сельскохозяйственной продукции для японского потребления, которое превышает всю территорию Японии.

Японские банковские сбережения через финансирование дефицита страны частично субсидируют зарплату гражданских чиновников в Вашингтоне. Американские университеты в широком масштабе пестуют научно-технические кадры своего главного экономического противника.

Вряд ли Соединенные Штаты будут долго терпеть унижения, которые несет такая субординация. Когда американцы наконец осознают, к каким геостратегическим и культурным последствиям может привести подобный ход событий, они, конечно, приступят к переоценке

собственного значения и прореагируют на это с большей или меньшей эффективностью. Другие предложат, как это уже кое-кто сделал, закрыть все двери на щеколды и оградить американскую экономику от мировой (читай: японской!) конкуренции. Недалек тот день, когда Соединенные Штаты, руководствуясь соображениями собственной национальной безопасности, начнут противодействовать контролю Японии над основными областями американского бизнеса, к которым она проявляет усиленный интерес. В таком случае непременно будут затронуты главные проблемы

стратегического характера.

Соединенные Штаты могут (правда, с большим трудом) оказать сопротивление японской экспансии, избрав какой-то альтернативный путь, разорвав устоявшиеся отношения, деловые союзы и создав новую экономическую зону в своем полушарии. Однако Япония уже сейчас поставляет третью часть «ключевых» технологий для американского арсенала.

Только торговля с Европейским регионом через Атлантику в состоянии повернуть вспять такую тенденцию. Соединенные Штаты могут предпринять попытку стать частью такого Европейского региона.

И эту попытку будут только приветствовать, так как в интересах Европы позаботиться о том, чтобы американский спад прекратился. А это, в свою очередь, усилит позиции Европы в ее конкурентной борьбе с Японией.

В ближайшем будущем институциональная организация Тихоокеанского бассейна может носить только неформальный и довольно двусмысленный характер, стать лишь средством "спасения мундира" перед реальностью важного сдвига в равновесии власти. Со временем Соединенные Штаты непременно приспособятся к своей новой роли. Может быть, в начале

грядущего столетия такую реальность можно будет систематизировать с помощью ряда новых институтов. Эти институты потребуются в качестве связующего звена между странами, которые войдут в Тихоокеанскую сферу. В итоге эта сфера получит какую-то организационную форму (правда, совершенно иную, нежели Европейское сообщество). Тихоокеанские страны испытывают неудобства из-за отсутствия хоть какой-нибудь общей истории. В глубине души они не разделяют и понимания экономических моделей и уровней развития своих соседей. Более того, их растущая интеграция,

несмотря на все препятствия, неизбежно поднимет вопрос о природе силовых взаимоотношений между Соединенными Штатами и Японией. В настоящий момент, как и в отдаленном обозримом будущем, ни одна из стран не готова пойти на такой шаг и изменить отношения в той мере, в которой этого требуют поставленные выше вопросы. В интересах каждого попытаться найти такой способ "спасения мундиров", чтобы не затронуть престижа пусть и увядающей, но все еще могучей державы.

Вполне возможно, что Япония откажется от преследования политической роли в экономическом

центре и вместо этого ограничит свое влияние лишь западными странами, расположенными в бассейне Тихого океана. Но такое решение вызывает неприятные воспоминания об обернувшейся катастрофой мечте, возникшей в начале нашего столетия, о создании "широкой сферы совместного процветания". На народы, живущие в этом регионе, до сих пор невыносимым грузом давят эти воспоминания. Но все же Япония не сумеет сдержать своей жажды власти и в конечном счете примется за создание политико-экономических условий во всей Тихоокеанской сфере, которые позволят ей стать ее

центром. Вероятно, нежелание в настоящее время трубить на весь мир, оповещая его о своей тайной амбиции, является наигранным и неискренним; оно может быть частью разработанной ею стратегии с целью введения в заблуждение конкурентов. Может, Япония лишь притворяется, будто носитя с такой идеей, будто она вовсе не желает стать центром и откровенно говорит нам об этом, чтобы мы по ошибке не приняли такое ее безразличие за скрытое намерение. В таком случае у Токио появляется более крупный шанс одержать победу над всеми соперниками.

Труднее предсказать эволюцию

Европейской сферы. До недавних пор ее будущее было лучезарно. В 1992 году должна была возникнуть "европейская крепость". Но все предсказания западной половины Европы о своем победоносном продвижении к экономической интеграции рассыпались как карточный домик из-за непредвиденных событий 1989 года. Единая Европа все еще возможна, как возможны и различные националистические проявления и ирредентистские [\[5\]](#) расколы, всевозможные конфликты, движение вспять. Политическая интеграция на Западе остается весьма хрупкой, дальнейшая демократизация на

Востоке таит в себе риск, а обе части Европы считают чрезвычайно сложным вопрос о своем экономическом объединении.

И все же, если посмотреть со стороны Запада, можно заметить, как рождается новый блок в тот самый момент, когда подобный блок на Востоке разваливается. Страны, перескакивающие с периферии в глубь континента, одновременно с этим меняя диктатуру на демократию, проявляют колебания и не спешат присоединиться к новому блоку. Но, тем не менее, их все же заставят это сделать. В один прекрасный день так или иначе вся Европа будет объединена и сплотится

вокруг континентальных институтов. В результате возникнет могучая власть: Европейская сфера. Военные союзы в Европе в ходе своей эволюции превратятся в системы политической координации всех европейских стран. Основным средством передвижения станет наземный транспорт. Новые технологии для железнодорожного транспорта будут иметь решающее значение. Трудно сказать, кто будет на этом этапе доминировать в таком обширном регионе и где окажется центр Европейской сферы. Европейским эквивалентом Японского архипелага, пространством, перерезанным

железнодорожными линиями со специальными решетками для безопасности следования скоростных поездов, может стать регион, протянувшийся от Лондона до Милана и включающий в себя Брюссель, Париж и Франкфурт. Этот регион, судя по всему, и по своему положению является лучшим кандидатом на центр Европейской сферы. Контроль, осуществляемый за европейскими столицами, позволяет этому коридору, которому все же оказывается некоторое сопротивление, определять передвижение товаров и коммерческих сделок.

Из-за своего пребывания в

течение десятилетий в вынужденной изоляции от остальной части Западной Европы Берлин сможет претендовать на роль центра только спустя десятилетия, когда он приобретет все преимущества коридора Лондон — Милан.

Но и этот вероятный центр тоже сталкивается со своими трудностями. Он не осуществляет контроль над всеми технологиями будущего, а его население стареет. Демографический рост, творческий дух и ориентация на экспорт Южной Европы бросают вызов господству этой расположенной ближе к северу зоне.

В итоге центр Европейской

сферы расположится в таком месте, где будут развиваться наиболее передовые европейские системы транспорта и связи (к 2010 г. между Парижем и Москвой может пролечь железнодорожная линия для сверхскоростных поездов). Он должен стать центром исследований и изысканий, работы над новшествами и обладать такой социальной сплоченностью, которая в большей степени будет способствовать управлению этим континентом, расположенным в самом центре возможных социальных взрывов.

Вопрос о конкуренции между Европейской и Тихоокеанской

сферами до сих пор еще не поднимался. Если Европа как единое целое способна организовать себя, она все же обладает громадными финансовыми возможностями, хотя в этой области она сегодня значительно уступает странам Тихоокеанского бассейна. Соперничество в этих двух сферах несомненно приведет к коммерческой, финансовой и политической напряженности, вызванной стремлением каждой из них к доминированию в области технологии, бизнеса и рынков, особенно в их соответствующих периферийных районах (Африка для Европы, Латинская Америка и Юго-

Восточная Азия для Японии).

В Европе должны произойти важные события, если только она всерьез намерена бороться с Японией за право верховодства в качестве центра девятой рыночной структуры. Если Западная Европа добьется прогресса на пути к политическому объединению, а Восточная с успехом проведет у себя демократизацию, если двум частям Европы удастся найти смелые пути объединения или оказания друг другу помощи, тогда будет нетрудно представить себе триумф Европы, одержанный ею над своим азиатским соперником. Если предпринять громадные усилия, проявить

творческую инициативу, провести всю необходимую при этом работу, то покупательная способность «экую» превысит как доллар, так и иену, а уровень жизни в Европе превзойдет самый высокий жизненный уровень в Азии, ценности же Европейского гражданского сообщества — свобода и демократия — завоюют симпатии на всей планете.

Такая картина может показаться излишне оптимистичной: уже сегодня не так просто вовлечь страны Восточной и Центральной Европы в рамки рыночного порядка Запада. Тем не менее многое в этом отношении уже достигнуто. Двенадцать стран, занятых

строительством Европейского сообщества, создадут единый рынок и сделают определенные выводы из такого сотрудничества в отношении финансов, образования, научных исследований, международного права, основ ведения бизнеса, социальной политики и защиты окружающей среды.

Такой процесс подчинен неумолимой внутренней логике, которая подталкивает западноевропейские страны к еще более тесной политической и военной интеграции. Они уже приняли решение о введении общей валюты, а в будущем планируют создать центральный банк, а также

организовать защиту окружающей среды с помощью транснациональных институтов. На более позднем этапе они намерены рассмотреть вопросы конвергенции в отношении проведения своей международной политики и оборонной стратегии. Такой процесс необратим, если только неожиданные события на Востоке, особенно в Советском Союзе, вновь не поставят его под вопрос. Если он увенчается успехом, то Европа станет политическим мировым лидером и выйдет за рамки своей чисто экономической роли.

Создание Европейской сферы, конечно, оказалось возможным

только благодаря крушению навязанного силой старого порядка в Восточной Европе. Такой крах стал для всех неожиданным событием, так как все произошло стремительно. Еще задолго до 1989 года было ясно, что никакой материальный достаток невозможен без творчества, как и любое творчество невозможно без демократии. Таким образом, для Советского Союза, а следовательно, и для всех восточноевропейских коммунистических режимов речь шла о выборе между гибелью и сменой порядка. Яркая картина изобилия на Западе, которую гласность помогла высветить еще больше, приблизила момент

страшного коллапса.

Главная задача сегодня — приблизить восточные регионы Европы к Западу. Но для этого необходимо, чтобы Восточная Европа успешно осуществляла свое эволюционное развитие — а в этом есть определенные сомнения — в трех направлениях.

Во-первых, необходимо упорядочить цивилизованное общество, в котором царит закон и действуют конституционные демократические институты. Коммунистические партии должны уступить место таким партиям, которые исповедуют плюрализм и осуществляют переход к власти в

зависимости от итогов всенародных выборов. И такой процесс уже набирает скорость. За исключением Румынии, Восточная Европа засвидетельствовала первую бескровную революцию в своей истории. Однако существуют реальные сомнения в том, что так будет и впредь, особенно в Советском Союзе. Тем не менее, каким бы ни оказался результат, каким бы ярким и трагическим ни был исход, все равно уже не остановить той глубокой мощной силы, которая подталкивает общество к рыночному укладу и демократии, и этот процесс нельзя повернуть вспять.

Во-вторых, этим странам предстоит развивать рыночную экономику. Переход от такого общества, в котором со скудостью и нехватками борются с помощью длинных очередей, к другому, где этот вопрос решается высокими ценами, вряд ли осуществим без устранения того, что можно назвать "рыночным шоком". Экономике всех этих стран, выходящих из состояния стагнации, угрожают безработица, инфляция и громадная задолженность. Но у них нет иного выбора, и им приходится сталкиваться с реальностью низкого уровня развития и выходить из трудного положения, перенося те же

распределительные функции на цены и изменяя юридическую систему, которая могла бы гарантировать автономию предприятия, инфраструктуры и системы социальной защиты населения.

Такие перемены требуют революционного переворота в сознании. По сути дела, общество, подчиняясь требованиям властей, вынуждено переходить от того состояния, когда насилие предупреждалось силовыми методами, к такому, когда оно предупреждается властью денег. Это может произойти после разрешения проблем, свойственных, странам Латинской Америки (например,

таких, как слабо развитая система распределения, «черный» рынок, инфляция, безработица, большая задолженность). Ни у одной из этих проблем нет немедленного решения. Народы Восточной Европы должны смириться с реальностью своего уровня развития и позволить ценам осуществлять свою распределительную функцию. Они должны упорядочить свою юридическую систему, которая предоставит различным отраслям бизнеса право принятия элементарных решений. Европа представляет собой континент, на котором живут 700 миллионов человек, и это может служить

залогом успешных перемен.

Конечно, этот процесс связан с риском возникновения кризисов, отступлений, даже поражений, что мы уже видели в совершенно иных условиях на примере развития Китая. Даже если такие реформы проводить смело и мужественно, в духе справедливости, обладая при этом политическим искусством, все равно потребуются немало времени, чтобы они дали хоть какие-то результаты. Если только этого вообще можно добиться. За одну ночь не появятся предприниматели, которые создадут рабочие места, и капитал немедленно не вернется в те страны, откуда его однажды уже изгнали

насильственным путем.

Политические реформы заработают только тогда, когда им будут сопутствовать такие экономические реформы, которые создадут в обществе децентрализованные и конкурентоспособные средоточия власти. В противном случае принятие решений в вакууме вновь приведет к концентрации власти, особенно в ответ на хаотические социальные явления, неизменно сопровождающие "рыночный шок".

В-третьих, наряду с проведением политической реформы, разрушающей тоталитарные структуры, неизменно

должна развиваться культура политической терпимости. После выпуска пара из котла бюрократического гнета вновь возродилось ненавистничество и обнажились трагедии, которые так часто оказываются самым тяжким и мучительным наследием истории на громадном пространстве от Польши до Армении и которые оставляют заметные шрамы на национальных культурах. С уходом танков из этих стран вновь всплыло на поверхность прошлое, вновь появилась необходимость в проведении переговоров по всем возникающим вопросам. Иначе бронемашины наверняка вернутся. Объединение

народов со своей историей приведет к проявлению их национальных, культурных, лингвистических и религиозных особенностей, включая опасные и ностальгические нотки, а такие представления о себе вовсе не обязательно будут вызывать уважение к тем границам, которые отмечены на сегодняшней географической карте. Раздаются подстрекательские призывы, слышатся рассуждения о новых союзах и ассоциациях, напоминающих Австро-Венгерскую империю, Ганзейский союз, Прусскую или Оттоманскую империи.

Выполнение задачи по интеграции Восточной Европы с

остальной частью континента должным образом не обеспечено. В определенном смысле разграничительная линия по Одру и Нейсе в большей степени напоминает границу между Севером и Югом, чем между Западом и Востоком. Воссоединение Восточной Европы с Западной может оказаться успешным только в том случае, если Запад окажет помощь в ослаблении дисбаланса, что позволит начать процесс конвергенции. Например, западные экспортные товары должны быть допущены в Чехо-Словакию, [\[6\]](#) Польшу и Венгрию, что дает населению этих стран возможность

зарабатывать на иностранном
товарообороте и финансировать
собственный импорт. Сроки выплаты
долгов должны быть пересмотрены, а
проценты по дивидендам снижены,
что позволит использовать
оставшийся скудный капитал в этих
странах на нужды их дальнейшего
развития. Для укрепления единства
континента необходимо осуществить
разработку таких проектов, как
объединенная система
телевизионной связи, совместное
финансирование всей
континентальной инфраструктуры, а
также предусмотреть выработку
общих административных законов и
принципов налогообложения.

Необходимо создать такие институты, в которых восточноевропейские страны станут абсолютно равными партнерами со своими западными коллегами.

Уже учрежден первый всеевропейский институт — Европейский банк реконструкции и развития, и его наличный капитал достигает 12 миллиардов долларов. В этом банке все страны Европейского континента (вместе с Японией и Америкой) на уровне равноправных партнеров разрабатывают и финансируют различные проекты. Этот институт призван стать цехом для подмастерьев, на практике

постигающих основы перехода от централизованной экономики к экономике рыночной. Он займется финансированием крупных транспортных систем и систем связи, которые призваны резко сократить географические расстояния между народами, идеями и товарами на континенте, который слишком долго оставался разделенным против своей воли. Дальнейшее сближение между двумя половинами Европы будет зависеть от успешного осуществления таких систем. Сам процесс выхода на масштабные, континентальные проекты приведет к постоянной культурно-экономической однородности,

которая, в свою очередь, в один прекрасный день превратится в Европейскую сферу. Что касается создания Европейской конфедерации, вступления всех стран Европы в существующее уже Европейское сообщество, завершения строительства общего "европейского дома", то этот банк будет играть роль, подобную роли Европейского объединения угля и стали в 50-е годы, которое стало основой сегодняшнего Европейского сообщества.

Если этот процесс окажется успешным, то Европейская сфера объединится естественным путем.

Все страны в этом регионе будут связаны с институтами всего

континента. Европа пойдет по новому пути, навстречу своей собственной общности, стараясь при этом избежать прежних ссор. Стабильность такой нарождающейся Европейской сферы в большой степени зависит от того, как пойдут дела у объединенной Германии. Ибо совершенно ясно, что Германия — это связующее звено между двумя главными частями континента.

В XXI столетии начнется жестокая борьба за господство среди городов, народов и даже... континентов. Если девятая рыночная структура окажется похожей на предшествующую, восьмую, то появится и какой-то ее центр с

прилегающим к ней регионом и периферией. Наиболее вероятным кажется постоянное противопоставление двух соперничающих сфер (Тихоокеанской и Европейской) с двумя центрами, каждый из которых будет организован вокруг определенной «пары» — политического и экономического гигантов. Эти сферы будут вести острую конкурентную борьбу как за прочное обладание внутренней территорией каждой сферы, так и за доминирование в другой, противоположной сфере.

Такое эволюционное развитие чревато серьезными взрывами.

Внутри каждой из сфер соперничество между политической и экономической властью неизменно приведет к конфликтам. Одной сфере будет трудно мириться с амбициями другой. В то же время обе они будут признавать необходимость более тесных связей друг с другом. Поэтому вопрос о разделении власти должен быть решен внутри каждой из сфер. В отношении как Тихоокеанского бассейна, так и Европы следует задать следующие вопросы: в чьих руках окажется доминирующая валюта? Кто будет контролировать обороноспособность? Где будет располагаться главный финансовый

рынок? Можно предположить такую вероятность, когда более сильная в экономическом отношении держава (Япония) передаст на определенное время политическую ответственность международного характера другой, более сильной в военном отношении державе (Соединенным Штатам). Сегодня такая ответственность не имеет особого значения в отношении к долговременному силовому потенциалу тех, у кого нет финансовых средств для ее поддержания. В действительности нынешние сверхдержавы утратят контроль над своими империями и постепенно превратятся во

второстепенные страны в рамках своих прежних границ.

Соединенные Штаты наверняка предпримут попытку приостановить относительный экономический спад с помощью сокращения военных расходов, что позволит им сократить бюджетный дефицит.

Соединенные Штаты будут продолжать и впредь сокращать численность своих вооруженных сил, расположенных на территории союзников. Сокращение вооружений, даже если оно носит частичный характер, высвободит ресурсы для гигантского экономического возрождения. Можно ожидать также значительного сокращения

стационарных вооружений. Существование ядерного оружия тактического назначения не имеет никаких иных причин, кроме потакания местническим тайным амбициям. Будут ускорены переговоры по сокращению обычных видов вооружений, что приведет к массовому выводу иностранных войск, до сих пор базирующихся на территории Европы.

Как это ни грустно, ни один из таких шагов не приведет к полному исчезновению напряженности в мире. Из-за неэффективности контроля со стороны сверхдержав между некоторыми странами, расположенными в каждой из сфер,

могут возникать территориальные споры, экономические разногласия и даже военные столкновения. Нужно постоянно помнить, что в этом веке Европа, состоящая из отдельных государств, уже дважды была причиной возникновения мировой войны, как и главным театром военных действий. Границы, установленные здесь после второй мировой войны, не всегда отвечают сложившимся культурным и лингвистическим реальностям. Нельзя забывать, что когда-нибудь японцы вдруг пожелают поставить перед американцами неприятные для них вопросы о Хиросиме. Разумеется, до сих пор ни одна

демократическая страна не объявила войны другой демократической стране, и только этот факт дает нам надежду на будущее. Но главный риск не устранен до сих пор: некоторые страны могут прийти к выводу, что пора кончать с демократией и приступать к войне.

Может случиться так, что ни Тихоокеанская, ни Европейская сфера не победят друг друга, и в результате центр нового мирового порядка будет разделен между множеством регионов в соответствии с их особой функцией: Америка будет заниматься культурой, валютой и вопросами безопасности; Япония — финансами и промышленностью;

Европа — выбором стиля жизни и услугами. Но подобный исход — лишь плод воображения, такое положение может существовать лишь в течение определенного отрезка времени, когда мир все еще колеблется, опасаясь сделать окончательный выбор между двумя сферами-соперницами. В ходе исторического развития выработался один четкий образец: нельзя создать надежную оборону, не имея надежного финансирования, нельзя получить и валюту без эффективно работающей промышленности, нельзя создать какой-то стиль жизни, не обладая для этого развитой культурой. Таким образом, нам

остается только предположить, что в конце концов одна метрополия вберет в себя все необходимые характерные черты новой рыночной структуры, контуры которой уже различимы, и впервые расширит свое владычество на целые континенты.

Борьба за господство грядущего мирового порядка бледнеет в свете потенциальных серьезных конфликтов, которые могут вспыхнуть, с одной стороны, между двумя нарождающимися сферами, а с другой — подвергающейся постоянной эксплуатации периферией, жителям которой будет отказано в дележе накопленных Севером материальных ценностей.

Вот тогда и начнется борьба за громадные территории Азии. Индия с Китаем, несомненно, не подчинятся господству ни Тихоокеанской, ни Европейской сфер. Ближний Восток, как мы в этом могли убедиться, представляет собой опасный дикий край, разыграть карту которого будет не так просто. Во всех этих регионах с их накопленными военными технологиями, разнообразным вооружением, производством химического и бактериологического оружия, с баллистическими ракетами, способными нести либо обычные, либо химические боеголовки, возникновение

непродолжительных, но, тем не менее, кровавых войн не только возможно, но и вполне вероятно. Исчезновение со сцены соперничающих идеологий, общие для всех правила рыночной экономики могут только стимулировать такие соблазны. Самым парадоксальным результатом такого хода событий может оказаться сдобренное насилием соперничество за захват новых территорий и источников сырьевых ресурсов. Возможны, таким образом, повторы Ливанов. Война возникнет в том случае, если поблизости не окажется достойной силы, чтобы ее вовремя предотвратить. Не имея

региональных институтов, способных действовать в качестве архитекторов прочного мира, мы стоим перед таким будущим, в котором сферы изобилия, пребывая в море нестабильности, сталкиваются между собой.

Глава III.

ПОБЕЖДЕННЫЕ БУДУЩЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Наиболее пострадавшими и побежденными в будущем тысячелетии станут жители как периферии, так и всей биосферы. За пределами нарождающихся Тихоокеанской и Европейской сфер четыре миллиарда людей начнут предпринимать робкие шаги к рыночному обществу и демократическому устройству. Но

один рынок не в состоянии развить промышленность или создать базовую инфраструктуру системы здравоохранения и образования. Только один рынок не в силах сделать сбыт сырья выгодным делом. Не может он защитить и окружающую среду, так же как и не в состоянии заткнуть громадную, постоянно расширяющуюся брешь между привилегированными регионами и скованной параличом периферией. Если все надежды на строительство нового общества связывать только с рынком, то завтра это приведет к появлению принципиально настроенных революционеров, которые,

возмущаясь богатством жителей привилегированных мировых центров, непременно поднимут восстание.

В каждой из возникающих сфер есть своя периферия. Находящиеся на периферии государства экспортируют свои основные ресурсы — то есть сырье — в доминирующие регионы и обменивают их на производимые там товары. Часть периферии занимают страны, непосредственно прилегающие к доминирующим регионам и из-за своей географической близости находящиеся в экономической зависимости от рынков в Северном

полушарии. Хотя они и образуют определенное полуинтегрированное экономическое единство вместе со своими богатыми северными соседями, все же в большинстве своем остаются закрытыми для остального мира территориями.

Каждая из сфер будет и впредь извлекать прибыли из периферии, состоящей из групп слаборазвитых стран. Периферия Тихоокеанской сферы — бесконечно более многообещающий регион, чем, скажем, регион, примыкающий к Европейской сфере. Он включает Бирму, Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины и страны Латинской Америки. Азиатские

страны, почти все будущие «тигры», уже и сейчас демонстрируют, быстрый экономический рост — они развиваются в пять раз быстрее Африки.

Их громадный демографический рост — в Индонезии, например, уже сейчас проживает больше молодежи, чем во всем Европейском сообществе, — это, конечно, довольно весомый плюс, но только при условии, что темпы экономического развития поспевают за темпами роста населения, создавая из народной массы потребителей.

Страны латиноамериканской периферии находятся в куда менее

обнадеживающем положении. Их задолженность будет губительно воздействовать на экономическое развитие, что делает организацию эффективной рыночной экономики весьма трудной задачей. Их вьезшаяся в печенки бедность не даст, демократии возможности пустить глубокие корни на этой земле. Их зависимость от экспорта сырья будет препятствовать поддержанию роста экономики хотя бы на достигнутом уровне. Уже сейчас не экспортируют свои основные ресурсы — то есть сырье — в доминирующие регионы и обменивают их на производимые там товары. Часть периферии занимают

страны, непосредственно прилегающие к доминирующим регионам и из-за своей географической близости находящиеся в экономической зависимости от рынков в Северном полушарии. Хотя они и образуют определенное полуинтегрированное экономическое единство вместе со своими богатыми северными соседями, все же в большинстве своем остаются закрытыми для остального мира территориями.

Каждая из сфер будет и впредь извлекать прибыли из периферии, состоящей из групп слаборазвитых стран. Периферия Тихоокеанской сферы — бесконечно более

многообещающий регион, чем, скажем, регион, примыкающий к Европейской сфере. Он включает Бирму, Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины и страны Латинской Америки. Азиатские страны, почти все будущие «тигры», уже и сейчас демонстрируют, быстрый экономический рост — они развиваются в пять раз быстрее Африки.

Их громадный демографический рост — в Индонезии, например, уже сейчас проживает больше молодежи, чем во всем Европейском сообществе, — это, конечно, довольно весомый плюс, но только при условии, что темпы

экономического развития поспевают за темпами роста населения, создавая из народной массы потребителей.

Страны латиноамериканской периферии находятся в куда менее обнадеживающем положении. Их задолженность будет губительно воздействовать на экономическое развитие, что делает организацию эффективной рыночной экономики весьма трудной задачей. Их вьезшаяся в печенки бедность не даст, демократии возможности пустить глубокие корни на этой земле. Их зависимость от экспорта сырья будет препятствовать поддержанию роста экономики хотя

бы на достигнутом уровне. Уже сейчас несветский, так и религиозный фанатизм, характеризуемый паранойей, открытым неповиновением, страхом, тревогой и чувством личного краха. Но все эти движения сопротивления вряд ли могут создать такие модели экономического развития, которые оказались бы конкурентоспособными с индустриальным развитием нового мирового порядка. Конечно, геологический каприз Земли, в результате которого пять стран (Саудовская Аравия, Ирак, Кувейт, Иран и Объединенные Арабские Эмираты) получили 60 процентов

всех разведанных в мире нефтяных запасов, с уверенностью указывает на то, кто контролирует определенные источники энергии и кто правит в той или иной стране, и этот важный вопрос останется болезненным еще в течение продолжительного времени.

Индия могла бы пережить особенно быстрый экономический рост, если бы ей удалось постоянно обеспечивать выход на мировой рынок. В результате многие сотни миллионов индусов в скором времени стали бы активными потребителями. Этот громадный субконтинент мог бы представлять очень важное звено для обоих

доминирующих регионов — Европы и Японии, — и они оба попытались бы перетащить Индию на свою орбиту и превратить в плацдарм для многонациональных компаний, в важный с дипломатической точки зрения стратегический пункт.

Китай пребывает в затяжном кризисе и отступает назад в своем экономическом развитии в результате трагедии, произошедшей на площади Тяньаньмынь, и последовавших за этим экономических реформ, проводимых без пересмотра политической системы страны. Как только логический ход развития рыночной реформы наберет обороты, снова

станет возможным быстрый политический прогресс. Япония выказывает большой интерес к оказанию помощи в развитии китайского рынка, так как ее отнюдь не прельщает перспектива рухнуть под тяжестью "экономических беженцев" в следующем столетии.

Демография и неумолимая логика развития лягут тяжелым бременем на будущее планеты. К 2050 году на Земле будут проживать 8 миллиардов людей. Более двух третей рождающихся сегодня жителей планеты будут расти в двадцати самых бедных странах. Через тридцать лет население Китая увеличится на 360 миллионов

человек, в Индии — на 600 миллионов и на 100 миллионов в Нигерии, Бангладеш и Пакистане. Население Нигерии, которое удваивается каждые двадцать лет, через 140 лет достигнет численности нынешнего населения всей планеты. К 2050 году число людей трудового возраста утроится. Более половины земного шара будут составлять городские жители по сравнению с третью сегодня. В одном Мехикосити еще до конца нашего столетия будут проживать 30 миллионов человек. Во всем мире 100 миллионов человек, не достигших пятилетнего возраста, умрут от голода и болезней.

Стремясь избежать такой трагичной судьбы, миллионы людей предпримут попытки расстаться с нищетой, процветающей на периферии, и искать более или менее приличной жизни где-нибудь в других местах. Таким образом они превратятся в кочевников, но другого вида; это будет новая версия пустынного — номада, который будет мигрировать из одного места в другое, пытаясь отыскать для себя хоть каплю того, чем мы располагаем в Лос-Анджелесе, Берлине или Париже — городах, которые станут для них оазисами надежды, "изумрудными городами" изобилия и технического волшебства. Или же

они пересмотрят свою надежду в фундаменталистских терминах, а это уже лежит за пределами современности. Такое динамичное развитие несет в себе угрозу реальной мировой войны, войны нового типа, войны террора, которая может неожиданно вспороть легкоранимую плоть различных сложных систем.

Латиноамериканские и азиатские народы уже ломаются в дверь Тихоокеанского бассейна. В Соединенных Штатах, где испаноязычное население составляет 20 миллионов человек и постоянно растет, миграция нарушит установившееся культурное и

лингвистическое равновесие, трансформирует саму природу Америки, разорвав ее связь с англосаксонскими и европейскими корнями. Вполне возможно, однако, Америка сумеет выдержать такой «шоковый» удар и даже обратить его себе во благо. В конце концов, в самой идее их страны заложено понимание, что ни один народ, ни одно этническое племя не имеет привилегированного места ни в исключительности нации, ни в ее характере. Представление о тигеле не лишено здесь исторического базиса. Будущее Соединенных Штатов связано с Латиноамериканским континентом.

Европе, вероятно, грозят большие беды. Сама логика континентальной интеграции сталкивается с давнишней, часто кровавой традицией этнических и национальных распрей, с историей проявления шовинизма и ксенофобии. Массовая миграция из Африки вкупе с потоками переживающих большие трудности восточноевропейцев в западные и другие более процветающие государства приведет к идее возведения новой Берлинской стены, стены, которая предотвратит поток беженцев с периферии, стремящихся найти прибежище в центрах процветающего Севера. Миграция

таких кочевников будет, конечно, регулироваться, так как рационально осуществляемый, полностью находящийся под контролем властей поток мигрантов может обернуться своеобразной выгодой. Подобно Германии, использующей турецких «гастарбайтеров» на таких работах, от которых отказываются почти все немцы, будут поступать и промежуточные страны нарождающегося нового мирового порядка, нанимая людей для выполнения определенных работ в течение какого-то времени. Многие представители периферийной элиты будут продолжать жить, работать, путешествовать

В

привилегированных регионах, обогащая жизнь центральных обществ экзотической музыкой, образами, своеобразной культурной и диковинной кухней. Но ни Тихоокеанская, ни Европейская сферы не будут принимать многочисленных бедняков-номадов. Они будут защищать свою культурно-политическую индивидуальность и закроют границы перед теми иммигрантами, которые будут отказываться возвращаться в свои погруженные во мрак невежества и нищеты земли после проведенного "в гостях" вполне достаточного срока. Будут введены — квоты и определенные ограничения в

отношении права на гражданство и собственность. Иностранцы — будут подвергаться остракизму в социальной сфере. Подобно укрепленным городам Средневековья, привилегированные центры начнут возводить всевозможные барьеры, пытаясь тем самым защитить свое богатство и внутреннюю стабильность. Провал марксизма будет рассматриваться в странах "третьего мира" как провал западной культуры, как конец борьбы с постоянной нищетой. И это приведет к вспышкам фанатизма.

Проблему границ можно было бы решить с помощью возможной интеграции периферийных стран с

примыкающими к ним соседними территориями на Севере. Следуя европейскому образцу, Соединенные Штаты, Мексика и Канада, например, ведут в настоящее время подготовку к установлению свободной торговой зоны, простирающейся от Торонто до Тампико. Можно также предположить подобное урегулирование между промежуточными государствами материковой зоны и окраинными, периферийными нациями, что открывает дальнейшие возможности расширения демократических, сориентированных на рынок зон в обширных регионах, разбросанных

по всему миру. Тем не менее даже в случае осуществления такого «северо-южного» обустройства вдоль границ структурные бедствия периферии в целом не смогут быть устранены.

Кто действительно проиграет в следующем тысячелетии, так это сама планета, если рынку будет позволено развиваться безудержно, без всяких ограничений. Природные ресурсы, создававшиеся на протяжении миллиардов лет, придут к полному истощению, а по Земле будут скитаться орды номадов, нагруженных "под завязку" товарами, сделанными из невосполняемого сырья. Если нынешнему поколению

не удастся освободиться от стремления завладеть всем на свете, то все будущие поколения окажутся в числе проигравших.

Растущее население планеты требует все большего наращивания темпов экономического развития, чтобы сохранить равновесие. Однако если принять во внимание нынешнее состояние технологий, то такой рост будет вызывать все большее загрязнение окружающей среды и даже может привести к безвозвратной гибели природы, которая всем нам дает пищу и поддерживает любую жизнь. Многие утверждают: с начала XVIII века в то время, как население во всем мире

увеличилось в восемь раз, производство возросло в сто. Только за последние сорок лет промышленное производство возросло в семь раз, а использование минеральных ресурсов утроилось. Ожидается, что к 2000 году потребление во всем мире нефти и угля удвоится. Ядерная энергетика из-за ее высокой стоимости, проблем, связанных с обеспечением безопасности и захоронением отходов, в ближайшие годы не сможет заменить нефть.

Не сможет выполнить такой роли и до сих пор слабо развитый потенциал солнечной и ветровой энергии. Запасы воды также

истощаются. На периферии пятая часть городских жителей и три четверти сельского населения не получают необходимого количества воды. В результате считается, что ежегодно в мире утрачивается от 2 до 3 миллионов акров обрабатываемой земли.

Неудержимо растущая индустриализация выбросила в окружающую среду чрезвычайно ядовитые твердые отходы и побочные газообразные продукты производства. Вскоре мы будем выкидывать такое количество мусора, которое покроет любую городскую зону слоем отходов толщиной в сто метров. Как же

избавиться от отходов? Превратится ли периферия в одну гигантскую токсичную свалку для ядовитых отходов, поступающих из привилегированного региона? Газовые выбросы в атмосферу, виновником которых является промышленное производство, представляют собой еще одну реальную угрозу. Объемы газообразных веществ, выброшенных в атмосферу за последние два столетия как коммунистическими, так и капиталистическими индустриальными обществами, повинны в потеплении климата. Они создают так называемый "парниковый эффект". Нам известны

главные виновники такого положения: это углекислый газ, который выделяется в результате горения угля, нефти и природного газа; хлорофторовый углекислый газ, который разрушает озон в стратосфере; метан, который получают в сельском хозяйстве и в скотоводстве; азотная кислота.

В последнем столетии уровень содержания метана в атмосфере удвоился, а углекислого газа вырос в четыре раза. Индустриальные страны, в которых проживает только 25 процентов населения земного шара, выбрасывают в атмосферу 75 процентов тепличных газов. Если верить выпущенному в 1985 году под

эгидой ООН "Ежегодному статистическому справочнику по энергетике", то Соединенные Штаты несут ответственность за 26 процентов выбросов углекислого газа, высвобождаемого большинством индустриально развитых стран; вина Советского Союза составляет почти 18 процентов, Китай виновен в 10 процентах, а Япония — более чем в пяти. (Хотя японский национальный валовой продукт, составляющий 1,2 триллиона долларов, равнялся только трети национального валового продукта США в 1986 году, выбросы углекислого газа в атмосферу Японией составляли лишь пятую

часть от выбросов Соединенных Штатов.) Известно, что хлорофторовый углекислый газ уменьшает толщину окружающего атмосферу озонового слоя и тем самым вызывает рост раковых заболеваний кожи. За последнее столетие средняя температура у поверхности Земли выросла на полградуса. Восьмидесятые годы оказались самым жарким десятилетием нашего века, полярные снеговые шапки начали таять, а уровень океанов повышается на два миллиметра в год. Некоторые проведенные на компьютере расчеты предсказывают, что до 2050 года поверхность Земли разогреется еще

на два градуса и что начиная с настоящего периода до конца следующего столетия уровень океанов, по крайней мере, повысится на полметра, а может, и на целых два. Можно только гадать о катастрофических последствиях подъема уровня поверхности воды в морях и океанах: семь из десяти крупнейших городов в мире — порты, и один человек из трех является жителем морского побережья.

Серная и азотная кислоты губят леса на планете, особенно хрупкие тропические леса на периферии, которые уничтожаются бумагоделательной

промышленностью,
сельскохозяйственным
производством. С XVIII века леса
исчезли с территории, равной по
размерам Европе. Всего за десять лет
была уничтожена половина лесных
резервов западной части Германии. В
1989 году богатые лесные массивы,
размеры которых превышали
территории Швейцарии и
Нидерландов, вместе взятых, исчезли
с карты мира. При таком темпе
уничтожения лесов район,
превышающий подобный в
восемнадцать раз, будет целиком
опустошен от зеленых массивов к
2000 году. Сверхиндустриальная
Япония, которая в настоящее время

является крупнейшим импортером тропических пород деревьев, уже повинна в третьей части нанесенного природе ущерба.

Уничтожение лесов разрушает окружающую среду, которая является основной кладовой, сохраняющей разнообразие растительного и животного мира. Каждый год исчезает до 15 тысяч видов животных, и такой процесс уничтожения идет рука об руку с ежегодным отмиранием языков и культур, сметаемых потоком однообразия, что является следствием развития рыночных отношений. Но не все надежды еще потеряны. В привилегированных

регионах агонизирующая реальность уже привела к возникновению движений, чутко реагирующих на экологические бедствия и стремящихся в этой связи переориентировать политику дальнейшей индустриализации. Страны Севера начинают контролировать рождаемость. Они производят товары, требующие меньших энергозатрат, в большем объеме пользуются предоставляемой им информацией, что в конечном счете значительно снижает загрязнение окружающей среды. Для стабилизации дальнейшей концентрации газов, вызывающих "парниковый эффект", и

фиксирования ее на нынешнем уровне несколько европейских стран взяли на себя обязательство сократить выбросы в атмосферу, по крайней мере, на 60 процентов. В настоящее время международные соглашения предусматривают наказание для наиболее злостных нарушителей, что в результате затрудняет их «деятельность». Выбросы серной кислоты в Северной Америке и Европе за последние десять лет слегка уменьшились, а выбросы в атмосферу хлорфторового углекислого газа, вероятно, в течение ближайших пятнадцати лет вообще прекратятся. Японская промышленность уже добилась

такого уровня эффективного энергопроизводства, который в два раза превышает ее эффективность в крупных европейских странах. Германия намерена стабилизировать свои выбросы в атмосферу к 2000 году, а Швеция уже готова ввести налог за использование природы и отравление ее углекислым газом. Европейское сообщество взяло на себя обязательство предотвратить увеличение объемов углекислых выбросов в атмосферу.

Многие специалисты на Севере выступили с предложением ограничить рост экономики на Юге, чтобы тем самым защитить окружающую среду планеты. Но у

периферии нет ни финансовых, ни технологических средств, чтобы играть по новым правилам промышленного развития. Несмотря на более строгие ограничения, введенные в индустриально развитых странах, выбросы углекислого газа в атмосферу в расчете на одного человека — если привести лишь один пример — к 2030 году удвоятся во всем мире, эффективно сведя к нулю все экологические ограничения, вводимые на Севере. Народы, живущие на периферии, откажутся от ограничений, которые, по сути дела, могли бы лишь способствовать сохранению тех богатств и комфорта, которых

привилегированный Север добился за последние четыре столетия за счет нещадной эксплуатации биосферы. Почему, скажем, Китай или Индия должны обходиться без холодильников только ради того, чтобы избавить процветающих белокожих северян от меланомы? Бразилия уже заявляет о своем намерении не отказываться от сжигания части лесов Амазонии, если индустриально развитые страны не приступят к существенному сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу.

В мире, где все поставлено с ног на голову номадизмом, вновь возникает необходимость в "козле

отпущения". Полстолетия спустя после окончания второй мировой войны вновь бродит по забывчивой планете призрак расизма. Новый расизм будет многоликим: он проявляется в противостоянии ислама христианству, его можно уже заметить в широко распространившейся враждебности к чернокожим иммигрантам, которые заняты поиском крова и домашнего очага на этом негостеприимном Севере. Если бы люди, наделенные властью в нарождающихся сферах процветания, знали, как нужно мыслить в далекой перспективе, то они бы с большей осторожностью взирали на периферию, лежащую

возле их порога.

В грядущем новом мировом порядке будут и побежденные, и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они столкнутся с откровенными предрассудками и страхом. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной.

Глава IV.

КОЧЕВНИКИ

Человечество вступает в сверхиндустриальный век. Богатые, процветающие зоны будут беспечно соседствовать с обширными нищими регионами. Передовые технологии создадут новые виды изделий и товаров, которые предоставят гражданам недостижимые прежде возможности, этот процесс будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье. Новые предметы, которые я называю номадическими (кочевыми), так как

все они — небольшого размера, изменят в будущем взаимоотношения во всем спектре современной жизни. И прежде всего они изменят отношение человека к самому себе.

Эти предметы, эмбриональные формы которых, типа портативного компьютера фирмы «Сони», сегодня можно встретить повсюду, помогут создать совершенно другого человека. Мужчины и женщины больше не будут обнаженными номадами периода первых примитивных обществ, построенных на порядке священства, странствующими от колодца к колодцу в поисках воды, чтобы не умереть от жажды. Не будут они и

опасными гонимыми номадами тех времен, когда царил порядок, установленный силой. Нет, привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций станут освобожденными, наделенными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами — своим народом, своими ближними.

Люди всегда владели кочевыми предметами, этими основными

инструментами, позволявшими человеку выжить. Камень и кремьнь — для разведения огня; амулеты — чтобы уберечься от злых духов и болезней; молотки и прочие инструменты — для строительства жилья; оружие, от копий до пистолетов, — для защиты во время войны; монеты и аккредитивы — на предмет покупки и продажи товаров. И, это лишь несколько примеров. Эти ценные предметы часто служили определенным мерилом могущества их владельца. На протяжении всей истории три вида существовавших порядков, основанных на священстве, на силе и на деньгах, наделяли все эти предметы особым значением.

Сегодня, когда мы вступаем в девятую рыночную структуру, создаются новые кочевые предметы. Всевозможные виды услуг трансформируются в предметы, и их функции все больше и больше призваны обладать портативным, то есть кочевым, характером. Например, купцы всегда мечтали о легких предметах и товарах, которые можно было бы запросто носить с собой, избегая лишних затрат. Такие предметы, которые теперь выпускает промышленность, а завтра их будут изобретать все больше — становятся все менее громоздкими и тяжелыми. Они будут весьма мобильными, сосредоточат в себе определенный

объем знаний, обеспечат связь, окажут тысячи видов услуг и тем самым вытеснят тех людей, которые сегодня занимаются такими услугами. Эти миниатюрные машины, некоторые из них толщиной в три человеческих волоса, как ожидают, окажут громадное воздействие на развитие промышленности в целом и обеспечение охраны здоровья человека в частности.

Номадические предметы будущего подскажут вам, как нужно устанавливать новые отношения с городом и семьей, как относиться к жизни и смерти. На самом деле они куда радикальнее изменят жизнь во

втором тысячелетии, чем это удалось сделать автомобилю и телевидению в XX веке. Все эти новые товары не появятся целиком готовенькими из бредовых фантазий толпы или у гораздых на технические выдумки чудаков. Нет, они явятся благодаря соревновательному духу индустрии, которая всегда чутко следит за желаниями и потребностями человека, чтобы превратить их в изделия, приносящие хорошую прибыль. Создание этих новых, безудержно привлекательных с социальной точки зрения, экономически выгодных предметов уже до некоторой степени может быть технически осуществлено.

Чтобы описать зарю наступающего века, мне, вероятно, придется заниматься вычислениями, подобно астроному, который рассчитывает траекторию звезды, существование каковой хотя и предполагается, но точно все же не подтверждено, и для этого он изучает особенности передвижения и характеристики подобных звезд. Поступая как этот астроном, мы яснее поймем динамические рыночные силы, которые принуждают нас к изобретению в будущем номадических предметов. Мы сами убедимся в том, до какой степени кризис, переживаемый восьмой рыночной структурой, уже

сам по себе является основополагающим фактором их создания.

Начиная с XIII века все рыночные структуры отмирали главным образом в силу одной и той же причины: когда центр (пусть это будет Антверпен, Амстердам или Лондон) стремился удержать в кулаке мировую экономику, он неизбежно старался закрыть брешь между растущей себестоимостью производимых товаров и услуг, сокращающимися прибылями, прибегая к новому займу, который он в состоянии выплатить только с помощью вновь созданных материальных ценностей. Большие

долги всегда ведут к инфляции, банкротству и финансовому краху. С исторической точки зрения вслед за кризисом, вызванным таким займом, внедряются новые технологии, которые с гораздо большей эффективностью производят эти же товары, чем сокращают относительную себестоимость услуг, необходимых для поддержания рыночной структуры.

Это происходит тогда, когда различные отрасли бизнеса оказываются способными к внедрению новой технологии с целью производства услуг, прежде пребывавших вне рыночных рамок, тем самым трансформируя их в

товары, которые можно производить в массовом порядке на стоимостно эффективной основе (т. е. основе, приносящей прибыль) для удовлетворения социального спроса. Такой кризис обычно завершается реконструкцией новой рыночной структуры, организованной вокруг другого географического центра и с помощью выпуска нового потребительского товара. Новая технология — вот двигатель, позволяющий создать новое состояние.

В середине 60-х годов нашего столетия себестоимость производства услуг двигалась по спирали вверх, когда экономика

стремилась к удовлетворению растущего социального спроса со стороны в основном зажиточных потребителей. Рост цен в энергетике только усугубил проблему. Но он не стал ее главной причиной. Три вида услуг — образование, здравоохранение и обороноспособность — несли на себе большую часть вины, так как все вместе они начали потреблять непропорционально высокую долю от общего национального продукта, производимого этими индустриально развитыми странами.

Бум, наступивший в 60-е годы в области высшего образования, особенно в США, частично

объясняется беспокойством, охватившим американцев в связи с успешным запуском советского спутника Земли, и это привело к организации больших университетов с множеством различных филиалов, таких, например, как Калифорнийский. Такой шаг в значительной степени увеличил бюджетные ассигнования на нужды образования. В те же 60-е годы рождение системы здравоохранения «Медикэр» подтвердило право каждого американского гражданина на охрану здоровья, что привело к громадной напряженности федерального бюджета (американцы ежегодно тратят на нужды

здравоохранения 600 миллиардов долларов). В то же время продолжали расти военные расходы, связанные с эскалацией "холодной войны", гонки вооружений и войной во Вьетнаме.

В условиях отсутствия ликвидности, которая могла бы поддержать покупательную способность населения, американский потребитель обратился к системе безналичного расчета — кредитным карточкам «виза» и "мастер кард", а в это время корпорации продолжали накапливать долги, расширяя производство без достаточного количества акций только ради того, чтобы не прогореть

и остаться в бизнесе или же не допустить его перехода в чужие руки. К 1986 году результаты такой деятельности не замедлили сказаться. По словам ученого Гарвардского университета Бенджамина Фридмана, долг среднего американца достиг беспрецедентного уровня — 66 процентов его дохода, а долг корпораций равнялся 57 процентам всех доходов, полученных от бизнеса.

Растущее беспокойство, связанное с невозможностью выплаты такого долга (такое же тяжелое положение наблюдалось в Японии и Европе), привело к финансовому хаосу в 80-е годы на

главных мировых валютных рынках. Крах всей ссудно-кредитной системы в Соединенных Штатах в конце 80-х годов, как и ослабление активности других главных банковских учреждений, только нагляднее продемонстрировал исторически сложившийся стереотип. Как и в прошлом, рыночные структуры начинают спотыкаться и резко идти вниз, когда расходы, необходимые для поддержания мирового превосходства, превышают стоимость всех созданных в стране материальных ценностей. Рост объема предоставляемых услуг, которого ожидают и даже, более того, требуют привилегированные

обитатели центра, наподобие тех, какими обеспечивались врачи и преподаватели в быстро растущих секторах образования и здравоохранения американской экономики, далеко обгоняет рост продуктивности в этих областях. Это резко контрастирует с производством товаров, где эффективность обычно растет по мере расширения производства и сокращения себестоимости за каждую произведенную единицу. Так, несмотря на все усилия сдержать расходы на нужды здравоохранения в Соединенных Штатах, они все же за последнее десятилетие выросли с 8 до 10 процентов стоимости

национального валового продукта, а расходы на образование за тот же период увеличились с 3 до 6 процентов. Отсюда можно извлечь следующий урок: с исторической точки зрения рост объема услуг всегда снижает общую прибыльность экономики и сокращает ресурсы, необходимые для капиталовложений в промышленность.

Обычным ответом богатых обществ на падение прибылей является стремление загнать потребителей в еще больший долг, что позволит им приобретать больше, чем прежде, товаров и сполна за них платить.

С помощью рекламы, особенно

телевизионной, у потребителя пробуждают прежде недоступные ему мечты и желания. Теперь каждый автомобиль должен быть оснащен стереосистемой, каждая семья просто обязана обладать кассетным видеомэгнитофоном; каждый «плейер» должен теперь иметь компактный дисковый механизм; каждый стопроцентный американец, высшая категория статуса которого определяется царящей повсюду страстью к приобретательству, должен теперь обязательно иметь машину «BMW» стоимостью 40 тысяч долларов. Все жили только сегодняшним днем, никто не заботился о том, что завтра

наступит другой. "Приобретайте сейчас, платите потом!" — таков был лозунг времени, и денежные сбережения растаяли.

Рост потребительского долга, в свою очередь, только усугубил кризис посредством производства и удержания на определенном уровне роста услуг для контроля за долгом и манипуляций информацией в отношении кредита. Множились всевозможные банки, как и различные потребительские финансовые компании. Все больше людей находили работу в сфере услуг. Число рабочих мест росло, а здоровье экономики постоянно ухудшалось. Обострялся структурный

кризис, а его окончательное решение все время откладывалось. Но экономическая наука учит, что только через трансформацию услуг, превращение их в массовую продукцию, производимую индустриальным методом, можно добиться получения прибылей и удержания их на определенном уровне.

Например, обратите внимание на величайшую новинку технологии XVI и XVII веков — скоростную плоскодонную голландскую лодку — изобретение, с которым было связано в те годы перемещение Амстердама в центр мировой экономики. Впервые разработанная около 1540 года, эта

"летающая лодка" и ее создание обошлись значительно дешевле, чем другие суда подобного типа. Если верить авторитетной книге К.Г.Д. Хейли "Голландцы в XVII веке", то голландцы сумели совершить такой подвиг из-за своего "относительно широкого и стандартизированного производства с помощью рационализаторской технологии — подъемных кранов для погрузки тяжелых бревен и, что самое важное, лесопилок, приводимых в движение силой ветра". Для "летающей лодки" требовалась меньшая по численности команда, и она была значительно более экономичной в эксплуатации. Далее Хейли пишет:

"Голландское судно водоизмещением в 200 тонн для своего обслуживания требует десять моряков, в то время как английское судно такого же размера должно иметь на борту до тридцати матросов. Если, кроме того, справедливо, что заработная плата на таких судах была ниже, а довольствие одного моряка обходилось дешевле, то в результате достигался двойной эффект, что позволяло голландцам устанавливать плату за фрахт в треть, а то и в половину того, что запрашивали за такие же услуги их британские конкуренты в XVII веке". В истории существует немало подобных примеров.

Экономическое

обновление становится возможным только с введением и массовым применением новых технологий, способных снизить стоимость социального спроса с помощью замены услуг продукцией.

Основой технологии будущего, которая дает возможность появиться на свет девятой рыночной структуре, является микросхема. Она уже проложила дорогу к индустриализации услуг в широком спектре областей — от автоответчика до определения медицинского диагноза. Микросхема — это крошечный квадратик кремния, на котором размещены миллионы и миллионы битов

информации, причем ее можно «снять» со скоростью света. Сегодня до 16 миллионов цифр и букв можно перенести на одну такую схему; к концу столетия на ней уместится миллиард таких знаков. Так называемые суперкомпьютеры, основанные на технике, известной под названием массивной параллельной обработки, обладающие способностью осуществлять более триллиона математических операций в секунду, по словам "Нью-Йорк тайме", "помогут ученым и инженерам в таких областях, как проверка реакции организма на новое лекарство без привлечения для таких

опытов живых людей; составление схем генетической структуры человека для лучшего понимания протекания наследственных болезней; выработка моделей различных климатических условий на Земле с целью изучения изменений, вызванных загрязнением воздуха; применение разговорного языка и речевых образов для усиления универсальности фабричных роботов". Будучи приспособленными к выполнению практических задач по снижению себестоимости как самого производства, так и трудоемких услуг, созданные на основе микросхем машины приведут к

примечательному экономическому росту и получению громадных прибылей, тем самым обеспечивая значительные суммы для новых капиталовложений.

Микросхема — этот современный прототип "летающей лодки" или появившегося позже парового двигателя, который во много раз превзошел мощь живой тяги, — является главным источником роста производства во всем современном индустриальном мире. Роботы, оснащенные микропроцессорами, снизили себестоимость производства автомобилей. По словам Кеничи Омаэ, ведущего японского аналитика,

специалиста по менеджменту и автора книги "Мир без границ", японские автомобильные компании используют труд более 600 тысяч рабочих для производства 12 миллионов автомашин ежегодно. Какой контраст по сравнению с Детройтом, где 2,5 миллиона рабочих производят такое же число автомобилей!

В XXI веке настоящий рост производства начнется тогда, когда сперва в средствах связи, а затем в здравоохранении и образовании услуги будут трансформированы в такие изделия, которые ввиду того, что к ним перешли функции, прежде выполняемые людьми, можно более

удачно назвать объектами. Объект, машина, инструмент, оборудование — здесь трудно подобрать слово, которое точно передавало бы смысл нового индустриального общества. Благодаря компьютеру все больше и больше объектов будущего приобретет способность двигаться, разговаривать, работать. Тогда они будут больше похожи на машины и инструменты. Если я не использую эти названия, то только потому, что они относятся к первоначальным технологиям, основанным на использовании энергии, а не на манипуляции информацией, которая является, вероятно, основной характерной чертой кочевого объекта

будущего. В более общем смысле слово «объект» точнее соответствует природе этих предметов, которые остаются прежде всего изделиями, независимо от своего технического назначения.

Подобно объектам языческой античности, кочевые объекты будущего не будут инертными, они будут сосредоточивать в себе жизнь, разум, а также ценности тех, кто их создает и затем использует. Они в основном станут как бы продолжением наших органов чувств, функций нашего организма. Компьютеры, например, расширяют рамки мозговой деятельности человека и в будущем, вероятно,

представят нам какой-то искусственный интеллект.

Новые компьютеризованные учебные пособия, которые, по сути дела, передадут в распоряжение, любого студента содержимое всех хранилищ Библиотеки конгресса США или Британского музея, будут в индивидуальной форме копировать образование, которое когда-то получали обычным, стандартным путем в школах. Транзистор — эта самая главная новинка — вначале сделал портативным радио (вот вам наглядный пример первоначального кочевого предмета), а затем сделал мобильным прослушивание музыки. Появившийся позже магнитофон, а

затем мини-компьютер "Сони Уолкман" дали возможность потребителю — путешественнику, перемещающемуся в пространстве, — слушать музыку, когда он этого пожелает и где пожелает. Точно так же видеомаягнитофон позволяет ему путешествовать во времени. Подчиняясь программе, составленной кварцевыми часами, видеомаягнитофон может накапливать изобразительный ряд, который можно просмотреть позже. Он заменяет собой дорогостоящую услугу (телепередачу) частным предметом (кассетой). Компактный диск и видеодиск позволили нам

увидеть, услышать и «сложить» в
чрезвычайно маленьком
пространстве звуки и образы,
которые мы можем впоследствии
продавать в многочисленных копиях,
собирать для себя дома. Наконец,
передача образов, различных форм и
звуков получила еще большее
развитие благодаря появлению
синтезаторов, многоэкранных
телевизоров и сканеров.

Совсем недавно личный
компьютер — миниатюрный аппарат,
осуществляющий счетные операции
для нужд бизнеса, — заменил собой
бесчисленные „услуги, которые
прежде оказывались одними
частными лицами — секретарями,

исследователями, бухгалтерами — другим частным лицам. Он дает прямой доступ к игровым программам (досуг и развлечение), к всевозможным банкам данных (образование) или к составлению программ (например, по здравоохранению). Индивидуальный потребитель может воспользоваться этим замечательным предметом для решения задач или для получения услуг. Специально закодированные "карты памяти", такие как «карты» автоматических ответчиков, позволяют потребителю платить за услуги и накапливать информацию для служебного пользования. Он устанавливает новые

взаимоотношения с деньгами и форсирует реорганизацию банковской системы.

Средства связи для современного кочевника-номада становятся все более простыми и удобными в обращении. Различного рода сообщения можно получать по телефону-ответчику, с которого можно даже с далекого расстояния считать информацию. Благодаря портативному телефону номад может продолжать общественную и частную жизнь, общаться с другими людьми и делать это независимо от своего местопребывания в данную минуту: ведет ли он автомобиль, гуляет ли по пляжу, летит ли в

самолете. Теперь отпадают все ловкие отговорки, нет больше никаких священных уединений, человеку нигде нельзя спрятаться. Конечно, во всем таком технологическом развитии заложена известная ирония. Явно освобождая людей от их «привязки» к определенному месту, такие кочевые предметы в значительно большей степени, чем прежде, затрудняют возможность скрыться от постоянной работы. Когда-то считалось, что преодоление скудости общества, замена его изобилием позволят людям сократить свое рабочее время и значительно усилить свой активный досуг. Но произошло

как раз обратное. Человеку-кочевнику придется трудиться постоянно, бесконечно, так как у него исчезнут представления о естественном делении суток на дневное и ночное время, как, в общем, и всякое понятие о времени. Факсимильная машина сокращает время на передачу изображений, чертежей, рукописей, писем и всевозможных посланий, доводя этот процесс до продолжительности обычного телефонного разговора. Впервые у человека не будет адреса. Чувство привязанности к тому месту, которое рождало все культуры в прошлом, превратится лишь в слабое, достойное сожаления воспоминание.

Кочевые предметы, вторгаясь в нашу жизнь, несут целую вселенную товаров, которые на первый взгляд находятся в полном беспорядке и не связаны друг с другом. Но на самом деле они объединены одним направляющим принципом: все они созданы для манипуляции информацией — образами, формами, звуками, причем делают это на громадных скоростях, трансформируют услуги, оказываемые вам другими людьми, в предметы, одновременно полезные и портативные, производимые в ходе индустриального процесса. Например, приготовление и доставка пищи являются той областью, в

которой зависимые от времени услуги уже превратились в предметы массового производства. Замораживание позволяет осуществить длительное хранение пищевых продуктов. Микроволновые печи полностью изменили процесс приготовления пищи. Теперь, не занимаясь приготовлением пищи, можно купить упакованный и изготовленный в массовом порядке продукт и съесть его либо дома, либо на работе. Его теперь можно довести до полной готовности в несколько минут или даже секунд. Теперь человек может есть там, где захочет и где бы он ни находился: в автомобиле, самолете, в поезде, на

пароходе или дома; теперь можно есть на ходу, не теряя напрасно времени. Быстро приготовленные блюда, готовые к употреблению, пользуются большим спросом.

Всего за несколько лет кочевые предметы широко распространились, изменив повседневную жизнь как тех, кто может себе позволить их иметь, так и тех, кто еще только мечтает об их приобретении. Их появление, однако, едва сказалось на экономическом функционировании восьмой рыночной структуры, так как все эти предметы оказали свое значительное влияние только на два жизненно важных сектора экономики — образование и

здравоохранение.

Тем не менее эти кочевые предметы, побуждая потребителя пользоваться ими, а промышленность — их производить как в секторе связи, так и в пищевом, тем самым проложили путь к появлению подобных предметов повсюду.

Но разве можно изобрести такие предметы? Смогут ли они на самом деле заменить те услуги, которые нам предоставляет врач или учитель? Судя по всему, ответ должен быть негативным. Кажется просто невозможным исключение человека, отстранение его от самого акта исцеления или же от обучения

других. Но такой процесс уже начался. Логика рынка влечет его вперед, и для этого процесса уже подготавливается необходимая почва. Повсюду в привилегированных регионах люди просто поклоняются культу здоровья и хорошей информированности. Стандарты красоты, которые когда-то так отличались друг от друга и были столь разными в том или другом обществе, теперь утрачивают свои четкие очертания и сводятся к одному однородному поблекшему идеалу. Любой человек стремится сохранить свое здоровье, продлить жизнь и поддерживать активную жизнедеятельность и физическую

форму с помощью различных упражнений и соблюдения контроля за собственным весом. Рынок тех, кто постоянно стремится находиться в форме и Обладать необходимой информацией, довольно обширен и приносит большие прибыли. Успех повсюду в мире спортивного режима, поддерживаемого Джейн Фондой, а также пастырские наставления Роберта Фульгума лишний раз свидетельствуют о громадной привлекательности таких идеалов. Постоянные призывы к соблюдению правильного режима питания, к отказу от дурной привычки курения, к борьбе с ожирением воспринимаются должным образом

повсюду.

Граждане мира, обладающего большей мобильностью, если только они готовы воспользоваться его преимуществами, должны напряженно трудиться, чтобы сохранить свое право на автономию. Чтобы дожить до преклонного возраста, чтобы работа вас не утомляла, гражданин-потребитель должен закалять свое здоровье и заботиться о своем образовании. Успешное достижение карьеры зависит от получения определенного уровня образования и постоянного поддержания такого уровня. В области неквалифицированного труда нет будущего. Машины — вот

новый пролетариат. Рабочий класс получает свои «вольные». Кочевой человек понимает, что если он хочет поскорее получить рабочее место, то не должен слишком уповать на общество, чтобы сохранять свою физическую форму. Он должен видеть в себе собственного скульптора. Этим и объясняется небывалый рост различных клубов здоровья, широкий выпуск книг "Помоги себе сам" и ускоренных университетских курсов.

Культурным идеалом всех таких устремлений является либо кинозвезда, либо манекенщица. То, что началось на сцене популярной музыки и моды — «хит-парады» и

модная одежда, теперь стало социальным феноменом, который приобрел поистине глобальные масштабы, отказываясь уважать классовые, этнические или национальные границы. Медленно, но верно, с известной долей соблазна определение желаемого постепенно слилось с понятием приемлемого. Вместе они сформировали могучий и опасный консенсус, отказываясь оттого, что считается ненормальным и уродливым. "Козел отпущения" теперь — это не тот человек, у которого просто нет денег, а тот, кто не находится в хорошей физической форме: упитанный, лишенный человеческих форм, ленивый,

больной и невежественный индивид.

Важные номадические технологии в области здравоохранения и образования появятся в ответ на требование униформизма внешнего вида людей.

Социальная функция врачей и учителей заключается в удостоверении ими, что каждый человек отвечает тем стандартам, которые общество косвенным образом накладывает на своих членов. Такие предметы, которые призваны осуществлять контроль за внешним видом человека и его здоровьем, же существуют. Некоторые из них используются в частном порядке и изобретены

давно, такие как зеркало, которое отражает вашу красоту, или весы, которые указывают на ваш вес, термометр, который измеряет температуру вашего тела. В число кочевых предметов недавнего происхождения можно включить самопроверку на уровень принятого алкоголя, содержание жира в организме и даже тесты, определяющие беременность. Прочие используются в работе только профессионалами, например электрокардиографы или тонометры. Но развивающаяся технология все в большей мере лишает врача-профессионала смысла его существования.

Самодиагностические предметы будут все время усложняться. В них будут применяться микропроцессоры для измерения какого-то параметра, после чего показатели будут сравнены с нормой и объявлен результат обследования. В течение определенного времени в будущем использование таких новых аппаратов останется привилегией врачей. Но они будут упрощены, станут миниатюрными, будут производиться по очень низкой себестоимости и практически окажутся доступными для всех потребителей, несмотря на стойкое сопротивление со стороны медиков-профессионалов, с которыми они

смогут успешно конкурировать. В один прекрасный день у нас на запястье появится инструмент, который постоянно будет отмечать частоту сердцебиения, состояние артериального давления и уровень холестерина в крови.

И однажды даже лечение от рака вплоть до проведения операций может быть поставлено на «самообслуживание».

Исполнительный вице-президент исследовательского отдела компании «Тойота» Исе-ми Игараси занимается разработкой микроскопической капсулы, которую предполагается вводить в кровеносную систему человека и

таким образом доставлять к пораженному раковым заболеванием месту в организме. Исследователи уже совершенствуют крошечный биомедицинский сенсор, измеряющий поток крови пациента. В будущем микроаппаратов скрыто столько надежд, что в августе 1990 года японский министр промышленности и торговли назвал такие устройства следующей индустриальной задачей для всей нации. Заместитель директора отдела машиностроения этого министерства Кенцо Инагаки считает, что в будущем "мы сможем проводить операции дома, экономя тем самым на проведении операции

в больничных условиях и на самой госпитализации".

Желание добиться полного контроля над собой, оснастить себя системой раннего оповещения, способной «засечь» возникновение заболевания или начало ухудшения физического состояния, постоянное углубление знакомства с экранами «дисплеев» и компьютерными изображениями, растущее опасение медицинских учреждений вместе с растущей верой в технологическое превосходство (даже непогрешимость) кочевых предметов — все это откроет обширные рынки для сбыта таких приспособлений. Врачи-практики, которые в

результате лишатся какой-то доли своих традиционных функций, тем не менее сумеют найти новую роль в лечении заболеваний, которые, если бы не кочевые предметы, так и прошли бы незамеченными. Они также смогут оказывать помощь в производстве таких медицинских «самонаблюдательных» аппаратов и при их использовании пациентами.

Самодиагностические устройства окажут помощь и в области образования. Уже сейчас различные компьютерные тесты и образовательные игры готовят широкую публику к такой вероятности в будущем. Как и бинарные игры, требующие лишь,

двух ответов — «да» или «нет», эти игры можно легко заложить в память компьютера, тем самым давая возможность даже детям использовать персональный компьютер для углубления своих знаний. Существующие программы позволяют теперь каждому студенту проверить, что он или она усвоили, и готовиться к экзаменам в домашней обстановке по многим предметам и на различном уровне. Кочевые предметы такого же разряда, но значительно более сложные позволят детям самостоятельно приобрести те знания, которые сегодня предоставляются целым сонмом школ и учителей. Различие между

игрой и учебой начнет стираться — со — временная педагогика уже сегодня готовится к приходу такого дня.

Учиться — значит жить по доверенности, путешествовать с помощью образов. Кочевой человек будет учиться в любом возрасте, глядя на экран и рассматривая те образы, которыми он сам будет манипулировать, подчиняясь необходимости получения информации, стремлению быть в курсе всего того, что происходит в мире, в этой эфемерной череде трагедий и комедий. На видеодисках будут записаны целые словари. Завтра дети будут прислушиваться к

учителю-компьютеру точно так же, как они сегодня используют калькулятор, не уча наизусть таблицу умножения. «Камкордер» станет куда более сложной машиной. Сегодня — это инструмент досуга, завтра он станет инструментом для постоянной записи информации. Он станет инструментом для ее восстановления при присоединении к персональному компьютеру. В таких портативных видеокомпьютерах будут храниться целые библиотеки. Кочевой человек сможет находить все, что ему нужно.

Все эти предметы используют магнитную или оптическую память, объем которой может достичь

нескольких тысяч биллионов знаков. В будущем они окажутся для нас столь же необходимыми, как сегодняшняя копировальная машина или телефакс, без которых мы, право, не знаем, как выжить в нашем мире. Такие предметы будут поддерживать экономический рост на протяжении длительного периода в будущем. Поскольку они наделят нас таким могуществом, которым мы не обладали никогда прежде, с помощью этих портативных инструментов мы сможем свободно выбирать место для жизни, оставаться в контакте друг с другом, покинув свои фабрики и здания контор прошлого.

Я выбрал слово «номад» вполне намеренно. Это понятие, по моему мнению, не только отлично характеризует будущие предметы, но это еще и ключевой термин для обозначения культуры потребления и определения стиля жизни в будущем тысячелетии. Например, развлечение и досуг будут посвящены идеалу путешествий; уже сейчас телевидение позволяет нам путешествовать во времени и пространстве, в реальном и придуманном мирах. Более того, мы можем это делать, не покидая своего уютного кресла: Таким образом, мы можем принимать участие в кочевой жизни через посредство телевизора,

переключая один канал за другим. Живя жизнью, открывающейся через электронные образы, мы в полной безопасности путешествуем по миру вместе с другими и набираемся жизненного опыта. Таким образом, телевизионная программа — это особенно прибыльный товар, и на него еще долгое время будет существовать большой спрос.

В то же время желание на самом деле совершить путешествие приведет к беспрецедентному развитию туризма. Туризм — эта важнейшая область экономического развития — потребует постоянного расширения сети отелей и системы транспорта, морских и воздушных

портов, железнодорожных линий и шоссейных дорог в Тихоокеанской и Европейской сферах как и в живописной, хотя и опасной, периферии. Все эти удобства создадут для путешественника такой же комфорт, которым он пользуется у себя дома. В то время как телезрители совершают путешествия, оставаясь на месте, настоящие туристы, совершая путешествия, будут постоянно окружены необходимыми предметами, которые были у них в доме.

Те, кому окажутся недоступными такие кочевые объекты и мечты о настоящих путешествиях, будут совершать

путешествия с помощью
отработанных образов поездок,
совершаемых по миру другими
людьми, или же — что значительно
хуже — употреблять различного рода
стимуляторы, особенно наркотики и
алкоголь. Необходимо признать, что
индустриальная экспансия
основывается на пропаганде таких
ценностей (культура выбора),
которая приводит к их
использованию. Наркотики — это
кочевая субстанция для побежденных
грядущего тысячелетия, отрешенных
и отверженных. Они дают
возможность для внутренней
миграции, становятся чем-то вроде
побега из того мира, который ничего

им не предлагает. Это, конечно, извращение.

Автомобили, самолеты, поезда и суда (средства транспорта, которые прежде всего сделали возможной кочевую жизнь) станут привилегированными местами накопления кочевых предметов второго и третьего поколений (телефоны, факсимильные машины, телевидение, видеодисковые плееры, компьютеры, микроволновые печи). Так как такие предметы являются искусственными изделиями, которые призваны сделать путешествие менее затруднительным для человека, они будут разговаривать и работать так,

словно это живые существа. Они будут использовать разнообразные виды энергии — солнечную, ядерную, водородную. Номады станут рассматривать их так, как цыгане взирают на желанные кибитки.

Ручные часы превратятся в самый совершенный кочевой предмет, в главный символ престижа и полезности, самую главную необходимость. Уже сейчас у них появилось множество других функций, кроме определения времени: они могут содержать в себе ряд телефонных номеров, адресов, даже калькулятор. Они могут определять влажность и температуру

атмосферы. Они могут иметь электронный календарь, а также накапливать бесчисленные биты информации, различные документы, перечень пред почтении культурного характера. Они могут служить связующим звеном с внешним миром, напоминать о приеме того или иного лекарства. Они также желанный атрибут наряда кочевника; искусное изделие, украшение, сокровище кочевого человека. В один прекрасный день, когда будет закодирован звук, они будут подчиняться вашим командам, подаваемым голосом.

Телефонный аппарат скоро будет доведен до размеров визитной

карточки, которую можно будет вставлять в крошечное портативное устройство. Подключив его через радио к сложным электронным сетям, человек получит возможность связаться с тем, с кем хочет, не раскрывая при этом места своего пребывания.

Чтобы идентифицировать номада следующего тысячелетия, достаточно назвать либо его число, либо имя. Одного этого будет достаточно, чтобы поговорить с ним или написать ему. В свою очередь, факсимильный аппарат тоже скоро достигнет размеров визитной карточки, его можно будет поместить в любое устройство, получать всю

почту на свое имя, не предоставляя предварительно никому ни своего адреса, ни своего места нахождения. «Памятная» визитка станет главным искусственным приспособлением. Она одновременно будет служить удостоверением личности, чековой книжкой и телефонным аппаратом и «факсом», то есть фактически превратится в паспорт кочевника будущего. Это будет что-то вроде искусственного "самого себя".

Для его использования потребуется лишь подключить это устройство в глобальные электронные сети информации и торговли — эти оазисы новых номадов. Эти электронные сети

будут отличаться полной доступностью, однородностью и напоминать интегрированную схему сегодняшнего автоматического банка, чьими услугами мы пользуемся, лишь вводя в его щель наши банковские карточки. Такие сети будущего будут расположены в банках, магазинах, во всех общественных местах (по крайней мере, в большинстве состоятельных районов метрополии). И скоро команда будет подаваться обычным голосом.

Номады среднего уровня будут пребывать в неприметных местах, таких как отели, которые сегодня окружают все аэропорты в мире.

Только самые состоятельные кочевники будут располагать средствами, чтобы стать владельцами собственности в больших городах, которые будут магнитными полюсами для их собратьев во всех областях и регионах мира. Города-эти опасные места, это сердце электронных сетей с запутанной начинкой, это пересеченное кабелями поле грез — будут значительно укреплены.

Кочевые предметы самоконтроля позволят человеку перевести свое поклонение на алтарь Нарцисса. Любой потребительский предмет предстанет перед кочевником, словно амулет,

явившийся из древности,
призванный продлить жизнь и
отвести смерть. Точно так, как
зеркало бесполезно без косметики, а
самодиагностика — без
инструментов для определения
состояния своего организма, так и
кочевые предметы завтрашнего дня
будут необходимы человеку-
кочевнику, чтобы добиться своего
внешнего совершенства.
Произведенные в массовом порядке
индустриальные изделия позволят
любому человеку вернуться к
прежнему, «нормальному»
состоянию, если только им удастся
определить его отход от здорового,
социально одобренного стандарта.

Таких примеров вокруг немало: медицинские препараты, которые вызывают потерю лишнего веса; имплантаторы, восстанавливающие красоту; парики, прикрывающие облысение; презервативы и таблетки, которые препятствуют беременности; специальный шагомер, регулирующий ритм работы сердца.

Значительный скачок в будущее произойдет после того, как нам удастся подключать микропроцессоры к различным органам тела, чтобы постоянно следить за возможными отклонениями от норм и немедленно восстанавливать нужное равновесие.

Уже сейчас можно автоматически вводить в организм инсулин при диабете; скоро детям таким же образом будут вводиться витамины. Такие микропроцессоры должны создаваться вначале из толерантных для человека материалов, но потом могут быть заменены биоматериалами. Они будут вводить в организм лекарства через определенные интервалы времени.

Приспособления для частичного протезирования, копии тех органов, которые они призваны восстановить или заменить, внесут революцию в лечение различных заболеваний. На протяжении многих лет промышленность изготавливала и

продавала искусственные суставы, пальцы, линзы, кости, сердечные клапаны, ноги, зубы, а также аппараты для искусственной речи и передвижения человека. Завтра мы начнем производить искусственные легкие, почки, желудки и сердца. Возможно, когда-то и печень. Можно ли вообразить себе невообразимое? Что даже мозг человека можно создать в искусственных условиях? Во всяком случае, генные инженеры разрабатывают такие методы, которые позволят организму человека получать необходимую стимуляцию либо для своего восстановления, либо для своей защиты с помощью генной терапии,

через имплантацию генетически измененных клеток. В число современных терапевтических средств входит выращенный в человеке гормон, применяемый в борьбе с малорослостью.

Можно предположить, что в конце такой культурной мутации и сам человек превратится в кочевой предмет. Со вставленными в него искусственными органами он станет и сам искусственным существом, которое можно будет купить или продать, как любой другой предмет или товар. Фантастика? Простая экстраполяция проявляющихся ныне тенденций? Ну что ж, давайте проанализируем конкретнее такую

ВОЗМОЖНОСТЬ.

Живые предметы продавались и покупались довольно длительное время. Животные и растения — не только предметы рынка. Очень скоро все особи животных и растений могут стать запатентованными. Их можно будет производить и продавать, как любой прочий товар. Критический порог был преодолен в тот момент, когда производитель был признан легальным владельцем живых особей. Требования диеты уже привели к выведению определенных пород скота и искусственным процессам выращивания растений. Для того чтобы получить прибыль от таких

исследований, промышленность потребовала право защиты своих продуктов с помощью патентования. Недавно в силу тех же причин патенты были выданы на производство одноклеточных организмов, а потом и многоклеточных.

Отдавая себе отчет в том, что сам человек — это определенный сложный организм, мы не можем исключать в будущем и такую перспективу, что некоторые дельцы захотят запатентовать и человека. Человечество уже сделало первый шаг на этом пути, ведущему к кошмару. Сегодня многие люди хотят обладать правом решать свою судьбу

и иметь только одного ребенка. Искусственное осеменение, или витрофертилизация, которая вначале была освоена с целью оказания помощи бесплодным родителям, одновременно позволяет зачинать детей без использования живого самца. Вполне можно вообразить себе ситуацию, когда в скором времени женщина будет накапливать свои яйцеклетки, чтобы в результате иметь детей в более поздний, выбранный по ее желанию период с помощью спермы известного ей или вовсе не известного донора. Она сможет выбирать по собственному вкусу пол своего ребенка, что нарушит одно из главных

статистических равновесий в истории человечества.

Можно также вообразить себе такое время, когда родители начнут выбирать физические характеристики своих детей. Вначале, разумеется, люди будут стараться избегать иметь таких детей, которые подвержены риску наследственных заболеваний или же физических изъянов. И кто же сможет запретить им это? Врачи попытаются измерить степень такого риска с помощью анализа генов. Сегодня уже возможно определить генетические основы кистозного фиброза и синдрома Дауна. Для определения таких изъянов

предпринимаются попытки нанести на карту и декодировать более ста тысяч генов, которые существуют у человека. Если такие исследования увенчаются успехом, то они могут привести к появлению некоей карточки генетической индивидуальности каждого человека. Это серьезный вызов со стороны науки, один из самых дерзких, которые когда-либо в прошлом наблюдались в области медицины. Но кто может всему этому противостоять?

Как всегда, опасная тропа проходит по скользкому склону. Вначале мы начнем манипулировать генами, чтобы снизить возможный

риск. Затем мы пойдем по пути прогресса от лечения патологических случаев к модифицированию нормального случая. Появление карточки индивидуальности человека позволит нам в момент оплодотворения вначале избежать зарождения такого эмбриона, который может пострадать от ошибки, допущенной в его генетической программе. Затем мы захотим исправить генетические ошибки. Наконец, мы попытаемся зачать в самом начале «нормальный» эмбрион.

Можно представить себе, что в далеком будущем человек научится

создавать серию той модели, которую он сам определил. В таком случае он будет испытывать сильный соблазн продавать и покупать своих собственных двойников, «копии» любимых людей или же специально подготовленных мечтателей и фантазеров, гибриды, созданные на основе подаренных особенных свойств, выбранных с вполне определенными целями. Уже сегодня продаются и покупаются зародыши человека, а здоровая печень умершего перепродается живому. И когда-то каждый из нас будет вынужден сделать инвентарный перечень всех частей своего организма, организма других людей,

заняться поисками необходимого «материала» на специальных складах живых органов, потреблять других людей, как и прочие предметы, и странствовать в чужих организмах и мозгах.

В результате возникнет что-то вроде номадического безумия. Человек начнет создавать себя сам так, как он создает товары. Различие между культурой и варварством, между жизнью и смертью исчезнет. Где же мы найдем смерть? В разрушении последнего собственного клона или же в забвении? И сможем ли мы еще поговорить о жизни, когда о человеке будут думать только как о продукте или о предмете?

Все это ознаменует собой очень важный поворотный пункт в истории.

Культура выбора, соединенная с логикой рынка, выделит для человека средства достижения беспрецедентной степени личной автономии. Владение кочевыми предметами (или доступ к ним) будет повсюду рассматриваться как признак свободы и могущества. Ибо как когда-то язычник набирался сил от потребления тех предметов, которые, как он считал, содержат в себе жизненный дух, так и человек грядущего тысячелетия позволит потреблять себя кусок за куском в рыночном смысле этого слова. Таким

образом, он приобщится к тому, что в конечном счете восходит к культу индустриального каннибализма.

Глава V. ОТКАЗ ОТ СУВЕРЕНИТЕТА И НЕОБХОДИМОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЙ

Мы живем в таком мире, который одновременно сужается и расширяется, становится ближе к нам и удаляется от нас. Новости о свержении диктаторов или подавлении диссидентов мгновенно распространяются по всему миру. Громадные денежные суммы в считанные секунды передаются с помощью электронных устройств.

Национальные границы играют все менее существенную роль. И все же глобальность, 'Тем не менее, одерживает верх. Расцветает трибализм всех сортов. Растут призывы в пользу «самоопределения» в мире, в котором сама идея суверенитета становится бессмысленной из-за якобы непреодолимых планетарных проблем, которые ныне стоят перед человечеством.

Никогда еще мир не находился в таком плену у законов, диктуемых деньгами. Капитализм нахально выражает уверенность в своем полном превосходстве. Он оживляет культуру выбора, политическим

выражением которого является демократия. Его щедрые посулы вызвали такой консенсус, который пересекает все границы — национальные, расовые, классовые или религиозные. Он подстегивает конкуренцию за экономические преимущества и вдохновляет индустриальное творчество. Он вознаграждает победителей и карает побежденных.

Но сам успех капитализма создает условия для его провала. Грядущий мировой порядок будет связан с опасностью: девятая рыночная структура, независимо от расположения ее центра, заменит живые дела мертвыми

приспособлениями; он будет относиться к природе как к товару и превратит самого человека в товар массового производства. Он создаст пропасть между богатыми и бедными кочевниками. Мечта о бесконечном, неограниченном выборе может завершиться такой кошмарной ситуацией, где вообще нет никакого выбора. Мир изобилия может погрузиться в век всеобщей скудости. Земля, в конце концов, не наделена благословенным неисчерпаемым запасом ресурсов.

Следующее тысячелетие может быть ужасным или великолепным — это зависит от нашей способности ограничивать свои мечты. Не все

возможно в этом мире. По крайней мере, так должно быть. Мы обязаны обладать достаточной мудростью, чтобы ограничивать свои мечты. Существуют границы (этические или биологические), которые мы все же преступаем, несмотря на серьезную опасность. Для того чтобы создать прочную цивилизацию, человечество должно каким-то образом примириться с природой и с самим собой. Оно должно воспринимать плюралистическую и политически терпимую культуру, которая пропитана глубоким священным смыслом.

Наше выживание как
человеческих особей требует

многого. Самой неотложной проблемой будущего станет борьба за осознание того, каким образом нужно улаживать проблемы, впервые предстающие перед нами в своей глобальной природе. Именно «глобальностью» характеризуются стоящие перед нами проблемы. Богатство и нищета, иммиграция и развитие, наркотики, разоружение, окружающая среда — все это неразрывно связано. Нам понадобится овладеть новыми политическими взглядами и учредить новые институты, которые помогут компенсировать свойственные государству-нации ограничения и сдерживающую

логику рынка. Представление о глобальном служении потребует прежде всего таких политических лидеров, которые признают необходимость ограничений и обладают достаточным мужеством, чтобы отказаться от традиционных понятий о национальном суверенитете. На таком пути, несомненно, окажется немало серьезных препятствий. Но они вряд ли смогут превзойти те, которые удалось преодолеть вновь возникшим государствам-нациям в конце XVIII века. Переход от века монархии к эре торжества законности и разделения властей оказался для людей того времени |важным и опасным

событием, точно так, как и для нас, когда мы вступаем на порог нового тысячелетия. Никогда еще у людей не было столько власти для создания своего будущего, как сегодня. И никогда прежде еще не принималось столько неотложных решений одним поколением с целью доказать всему миру существование громадного потенциала для процветания, в котором сохраняются все условия для жизни. Было бы глупо или даже оскорбительно с моей стороны заверять своих читателей в том, что такие решения будут приняты и в будущем. Неожиданные события, непохожие люди, невероятные идеи — все это выпирает наружу там, где

меньше всего этого ожидаешь. Такие личности, как Мухаммед или Лютер в прошлом или Горбачев сегодня, обладают удивительной способностью изменять историю, поворачивать ее в таком направлении и делать это с такой быстротой, что ни один астролог, каким бы прозорливым он ни был, или профессор, какой бы эрудицией он ни славился, не в силах этого предсказать. Сейчас с уверенностью можно сказать только одно: еще никогда, ни в один период истории в мире не было таких перемен, которые произойдут в нем в течение ближайших десяти лет.

Тем не менее я попытался с

помощью этих размышлений доказать, что в общих чертах вполне возможно различить зарю следующего тысячелетия со всеми его силовыми полями и всякими рискованными неожиданностями. Мы должны уяснить одно: за отрезок времени от сегодняшнего дня до 2000 года денежный порядок станет универсальным. От Сантьяго до Пекина, от Йоханнесбурга до Москвы все экономические системы будут поклоняться алтарю рынка. Люди повсеместно будут приносить жертвы богам прибыли. Две экономические сферы — конкурирующие друг с другом, отличающиеся нестабильностью, но

все более однородные — будут вести борьбу за гегемонию: одна из них — действующая в районе Тихоокеанского бассейна, а вторая — вокруг Европы. Они будут вести жесткую конкурентную борьбу за умы, за методы, за рынки. В каждой из них военное могущество уступит место могуществу экономическому. Демократия в основном сохранит свои позиции.

Такая эволюция, однако, не обязательна. В Тихоокеанской сфере, например, Америка в конечном счете прореагирует на японскую мощь, и произойдет это в тот момент, когда она с болью в душе осознает, что попала в зависимое положение, и это

будет крайне неприятно. Соединенные Штаты в таком случае обратят все внимание на самих себя, выработают крупные программы, чтобы догнать ушедших вперед, начнут проводить такую политику в области индустрии, которая будет нацелена на усиление государственного вмешательства в экономику, особенно в финансовую сферу. Нет никакого сомнения в том, что США повернутся лицом к Латинской Америке и Европе в целях получения поддержки и выхода на тамошний рынок.

Если последующие события подтвердят окончательное завершение "холодной войны", то

Америка сбросит со своих плеч тяжкий груз по защите континента от советского экспансионизма. Это позволит американцам постепенно обрести что-то вроде экономического, политического и финансового равновесия.

Успех этих весьма запоздавших усилий нельзя гарантировать, если только американцы не захотят обеспечить переход — хотя и длительный — от потребления к сбережению денежных средств, то есть к осуществлению на практике того, что с политической точки зрения придется не по вкусу тем, кто обладает достаточной смелостью, чтобы проводить такие реформы и

реконструкцию.

В Европейской сфере гармоничная интеграция континента — еще далеко не решенное дело. Нужно преодолеть немало препятствий, прежде чем тенденция к экономическому объединению начнет проявляться политически. Но когда-то это все же произойдет так как без прогресса в этом направлении все достигнутое до сих пор может оказаться под угрозой. Например, если создание монетарного союза не поможет достаточно быстро учредить центральный банк и не будет введена общая для всех валюта, то свободное передвижение людей, капитала,

товаров ни к чему не приведет. Более того, если все европейские институты не будут демократизированы, а их членство не станет открытым для всех стран региона, то такие решения, которые оказывают воздействие на Европу, вряд ли будут пользоваться всеобщим уважением. Нынешние двенадцать членов Европейского сообщества могут немало потерять, если будут пятиться назад, а не продвигаться вперед в этом направлении.

В восточной половине Европейской сферы эйфория, связанная с обретенной свободой, уже уступила место пессимизму и даже отчаянию. Состояние

экономики этих стран весьма неустойчиво и хрупко, что вызывает народное недовольство. Процветание обходит их стороной, а горечь охватывает все глубже. Вирус тоталитаризма еще до конца не уничтожен, и, как всегда, значительно труднее находиться у власти, чем в оппозиции. Нельзя исключать появления новых авторитарных режимов. Можно даже ожидать развала некоторых наций. Яростная тяга к сведению счетов приведет только к раздуванию страстей, которые не унять никакими средствами. Тем не менее я верю, что, скорее всего, разум все же восторжествует и европейцы не

совершат такой же ошибки в третий раз за одно столетие. Может быть, мой взгляд излишне оптимистичен? Я не смог бы считать себя честным человеком, если бы попытался скрыть существующие в глубине души страхи на этот счет. Но это не имеет значения. Жребий брошен, поэтому следует, не останавливаясь, продолжать игру.

Если в этих двух состязающихся между собой сферах все пойдет гладко, то впереди нас ожидают годы подъема экономики. Кочевые предметы только укрепят гипериндустриализацию обеих сфер. Они самым радикальным образом изменят взаимоотношения между

людьми, их отношение к своему здоровью, культуре, связи; они трансформируют всю организацию работы, транспорта, досуга, жизнь города и семьи. Они станут средствами созидания и разрушения, ниспровержения и объединения, демократии и революции. Победители этой новой эры будут созидателями, и в их руках окажутся и власть, и финансовое могущество. Необходимость перемен, изобретательской «жилки», созидания сотрет границу между производством и потреблением. Созидание не будет больше определенной формой потребления, а станет работой, той работой, за

которую будут получать солидное вознаграждение. Ребенок, который ходит в школу, взрослый человек, пекущийся о своем здоровье, творец, который превращает в реальность мечты, — всех их будут считать рабочими, заслуживающими уважения, а также благодарности и вознаграждения со стороны общества.

Принимая во внимание ту быстроту, с которой все вокруг меняется, ни одна из таких предпосылок не кажется сегодня столь нереальной. Когда все поймут, что те вызовы, которые бросает нам XXI век, носят глобальный характер, что вопрос иммиграции будет

рассматриваться вместе с вопросом развития, что проблемы наркомании и разоружения могут иметь какие-то решения в мировом масштабе, что рост экономического производства в его нынешней! форме угрожает выживанию людей, порождая все большее число кочевников, которые будут стремиться заполучить как можно больше продуктов, засоряя отходами все пространство вокруг, когда все это осознают, то может оказаться уже поздно что-либо предпринимать.

Проблемы, связанные с феноменом демографического взрыва, нищеты, наркомании и распространения оружия в мире,

требуют самых неотложных мер. Мы еще далеки от серьезного понимания всех этих вопросов. Их решение потребует появления таких лидеров, которые будут готовы к отказу от собственного суверенитета — крайне непопулярной мере в настоящий момент. Люди нуждаются в защите от самих себя, они должны прекратить вообразать себя собственниками мира и других личностей и, наконец, признать, что человек на нашей планете — лишь квартиросъемщик. Понятия о храме, служении и святом должны стать теми лозунгами, которые поддерживают глобальную программу выживания. Выполнение

всего этого потребует от нас отказа от извращенной логики культуры выбора. Лешек Колаковский предупреждал нас о той серьезной опасности, с которой придется столкнуться человечеству, если оно откажется от всего святого: "Культура, если она утрачивает свой священный смысл, вообще теряет всякий смысл. С исчезновением святого, определившего границы совершенства, которого может достичь светский человек, возникает одна из самых опасных иллюзий нашей цивилизации — иллюзия, что нет предела тем переменам, которых не смог бы перенести индивидуум в своей жизни, что общество, в

принципе, — это что-то бесконечно эластичное и что отрицание такой эластичности и такого совершенства равносильно отрицанию независимости человека и тем самым отрицанию самого человека. Утопия о совершенной автономии человека и надежда на неограниченное совершенство могут стать наиболее эффективными инструментами его самоуничтожения, которые когда-либо изобретались человеческой культурой. Отказ от святого — это отказ от наших собственных пределов. Это отказ от идеи зла".

Проблемы, которые будут досажать человеку грядущего

тысячелетия, требуют, чтобы мы восстановили идею зла и идею святого, поставив их в центр политической жизни. Мы должны определять мировые стандарты демократическим путем, чтобы они предстали перед людьми во вполне приемлемом виде. Институты, созданные Организацией Объединенных Наций, не были приспособлены для выполнения такой миссии. У них для этого нет ни средств, ни необходимого мандата. Они должны встать на более высокий уровень международной организации и обрести истинную сверхнациональную власть, обычную планетарную политическую власть,

которая способна определять необходимые критерии в тех регионах, в которых само выживание людей поставлено на карту.

Вряд ли многие страны с легкостью воспримут такую передачу власти. Я не умаляю всех трудностей, связанных с демократическим одобрением такого плана в мире, где проживают 7–8 миллиардов людей (причем пять из них находятся ниже уровня выживаемости). В своей зачаточной форме это постоянно действующая встреча в верхах глав государств, представляющих нации различных континентов. Она может стать прообразом таких институтов в

будущем и определить некоторые из необходимых стандартов. Если этого не сделать, то такие институты будут навязаны комитетами самозванных экспертов или же тайных заговорщиков.

Создаваемые международной властью институты, судя по всему, необходимы, по крайней мере, в пяти основополагающих сферах человеческого существования. Они будут решать вопросы, связанные с недоеданием, токсичными газами, генной инженерией, вооружениями и наркотиками. Необходимость спасения детей от заболеваний и неграмотности требует создания международных финансовых

организаций, которые разработают новые формы оказания помощи и распределения пожертвований. Защита окружающей среды требует создания всемирного агентства, которое должно подсчитать и оценить уже нанесенный ущерб (например, озоновому слою) и установить максимально допустимые нормы загрязнения, а также обеспечить бедным странам доступ к таким передовым технологиям, которые вначале сильно сократят поллютанты всех видов, а затем их уничтожат. Защита людей требует выработки универсальных норм, которые дадут нам возможность осуществлять с медицинской

помощью контроль за
рождаемостью, предродовой
диагностикой и генетическими
данными. Мы должны достичь
согласия в отношении
неприкосновенности тела человека и
уважения его индивидуальной,
интимной жизни. Такие структуры
жизни, как эмбрион и ген, нужно
объявить неотторжимой
собственностью человека, и им
должна быть предоставлена
священная свобода от различных
манипуляций, даже если подобные
требования означают отказ от
наблюдения за каким-то органом или
же от исправления какого-то
дефекта. Мы должны быть

бдительными, чтобы в любой стране избежать таких действий, которые могли бы привести к необратимым генетическим мутациям.

Наша защита от распространения во всем мире вооружений потребует создания органа высшей власти с демократическими полномочиями, определяемыми демократическим путем. Такой орган власти заменит собой двусторонние переговоры, будет проводить инвентаризацию, проверять выполнение достигнутых прежде соглашений и предусматривать соответствующие санкции за их нарушения как в отношении химического,

биологического и ядерного оружия, так и в отношении обычных вооружений.

Наша защита от бича наркотиков потребует выработки международных правил, нацеленных на исключение из международного финансового объединения любого института, который способствует «отмыванию» денег, полученных от продажи наркотиков. Кроме того, особое международное агентство должно оказывать поддержку тем странам, которым требуется проведение конверсии в экономике, слишком зависившей от торговли наркотиками, а также в их борьбе с торговцами этим зельем.

Довольно трудно вообразить себе планетарные институты, которые одновременно являются эффективными и действуют демократическим путем, особенно в таких запутанных и спорных областях. Существующие ныне международные учреждения демонстрируют, как быстро бюрократии удастся "затупить их меч" и воспрепятствовать эффективному выполнению возложенных на них важных задач. И все же будет непростительно для человечества, если оно не предпримет такую попытку.

Разумеется, при этом государства-нации не исчезнут с

лица Земли. Даже если мир станет еще более объединенным, даже если технологические процессы и связи будут все более универсальными, а многонациональные корпорации создадут свои филиалы во всех странах мира, правительственная власть все равно будет действовать в основном в локальных рамках. Все это пойдет только на благо. Только государства в пределах своих исторически сложившихся границ могут обеспечить действие демократии на уровне каждого отдельного человека. Общенациональные правительства получают гарантированную власть по крайней мере в трех областях.

Страны, ближе других расположенные к центру доминирующей сферы — будь то Тихоокеанская или Европейская, — должны в первую очередь привлекать такие инвестиции, способные создать новые рабочие места, отрасли промышленности и услуги, которые будут стимулировать потребительские запросы и смогут их поддерживать на определенном уровне. Они будут нести ответственность за получение или разработку таких технологий, которые автоматизируют производство, как и сам процесс накопления и обработки информации. Общественные

правительства должны будут нести ответственность за строительство сети коммуникаций — портов, поездов, городов, фиброоптических сетей, финансовых рынков — и тем самым постараются привлечь другие элементы, необходимые для создания центра. Судьба многих стран может зависеть от удачного расположения аэропорта, места нахождения отраслей, создающих культурную продукцию, и ее распределения. Главными источниками финансирования таких новых центров процветания должны стать общественные бюджеты. Само собой разумеется, некоторые страны будут вкладывать больше в смешанные

рыночные производства, другие — меньше. Но все страны, которые хотят добиться экономического успеха, должны всячески приветствовать любые изменения, чтобы сделать реальностью любую дерзкую мечту, любое изобретение, а все новое превратить в насущную необходимость. Не нужно мешать расцвету новых идей, и всякое новшество требует вознаграждения.

Вторая задача общенациональных правительств — это обеспечение доступа к новым номадическим предметам, которые скажутся на нашем здоровье, знаниях и культуре. Если доступ к новым технологиям обеспечен для всех

индивидуумов, то у них появятся средства к процветанию как в культурном, так и в экономическом отношении. В этом смысле будущее всех стран зависит от их способности перераспределить ресурсы, чтобы предоставить каждому человеку его долю в этом гипериндустриальном мире. Появится необходимость в новом подходе к осуществлению проектов. Точно так же как программы "социального обеспечения" и "помощи семье" дали возможность женщинам стать потребителями, так и для всех потребителей номадических предметов — от мала до велика — должны быть

выработаны какие-то программы, позволяющие им иметь минимальный доход.

В этом отношении различного рода выплаты студентам и их заработки будут институционно оформлены и начнут играть решающую роль: в любой стране все зависит от ее способности дать хорошее образование своим гражданам.

Наконец, нации-государства будут отличаться друг от друга в соответствии с тем общенациональным проектом, который они косвенным образом предлагают своему народу. В некоторых странах за каждым

гражданином непременно должно быть закреплено право на человеческое достоинство. Для других вполне достаточно, если они предоставят своему гражданину право стать богатым. Для третьих это может быть право на получение приличного дохода, благоустроенного жилья и какой-то доли власти на своем рабочем месте. Каждая нация поведет поиск в собственном направлении и в полном соответствии со своими традициями нового равновесия между порядком и хаосом, между изобилием и нищетой, между человеческим достоинством и унижением.

Но прежде всего должен быть

заключен новый священный завет между человеком и природой, чтобы Земля продолжала жить и впредь, чтобы все эфемерное, наносное уступал, место вечному, чтобы разнообразие противостояло однообразию. Достоинство должно возобладать над властью, а дух творчества следует противопоставить насилию. Именно в таком новом духе нужно развивать мудрость человечества, а не разум машин. Каждому человеку должны быть предоставлены средства для избрания своей судьбы. Никто не должен быть низведен до роли наблюдателя, следящего за собственным процессом

потребления. Индивидуумы должны быть наделены властью, чтобы внести свой вклад в наследие цивилизации, определяя ее направление через осуществление собственной свободы, стремясь превратить свою жизнь в произведение искусства вместо скучного воспроизведения себе подобных.

Можно ли добиться такого будущего с помощью терпимости или неуступчивости? С помощью фанатизма или сострадания? Впереди нас ожидает бездна неизвестности.

Окончательный ответ на все эти тупиковые вопросы, как всегда,

растворен в словах, ибо язык — вот ключ мудрости.

Слово «номад» происходит от древнегреческого слова, означающего «разделять», "разбивать на сферы". Со временем это слово приобрело и другие значения. Одно из них — «закон», а другое — «порядок». Ну и что же означает такая лингвистическая эволюция?

Она означает, что номад может выжить, если он знает, как следует делить свои пастбища с другими соплеменниками. Что без закона не может быть номада-кочевника. Что первым кочевым предметом был сам закон, который позволил человеку развязать насилие, угрожавшее

самому его существованию и мирной жизни. Что слово, полученное Моисеем в пустыне в виде каменных табличек, сложенных в Скинии, до сих пор остается драгоценным кочевым предметом в истории, ибо закон защищает жизнь и хранит святость. Что кочевым предметом, который мы должны охранять больше всего на свете, является сама Земля, этот бесценный уголок Вселенной, где самым чудесным образом возникла жизнь.

Земля подобна библиотеке. Она должна оставаться в том же состоянии и после того, как мы напитали свой разум, прочитав все ее книги и обогатившись идеями новых

авторов. Жизнь — самая ценная книга. Мы должны относиться к ней с любовью, но стараться не вырвать из нее ни одной страницы, чтобы передать ее — с новыми замечаниями — в руки тех, кто сумеет расшифровать язык своих праотцов, надеясь оказать честь тому миру, который они оставят своим сыновьям и дочерям.

notes

Примечания

Польский поэт, лауреат
Нобелевской премии. Живет в США

Речь идет о герое повести Л.Н. Толстого "Смерть Ивана Ильича".

Фернан Бродель — французский историк.

В индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну, означающее неодолимую силу.

Ирредентист — сторонник партии ирредентистов в Италии, программным требованием которой было воссоединение страны по этнографическому и лингвистическому признаку.

С 1 января 1993 г. Чехия и Словакия стали самостоятельными государствами.